

Кристофер
Ишервуд

Там, в гостях

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Кристофер Ишервуд

Там, в гостях

«Издательство АСТ»

1961

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ишервуд К.

Там, в гостях / К. Ишервуд — «Издательство АСТ», 1961 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-148251-0

Четыре места – Бремен, греческие острова, Лондон, Калифорния. Четыре эпохи – буйные двадцатые, странное начало тридцатых, с их философскими исканиями, нервный конец тридцатых, когда в воздухе уже пахнет страшной из войн в истории человечества, и лихорадочное предвоенное американское веселье начала сороковых. Четыре истории о том, как «духовный турист» – рассказчик Кристофер Ишервуд – находится в поисках нового образа жизни и лучшего будущего, встречая на своем жизненном пути совершенно разных людей. А все вместе – впервые опубликованный в 1962 году роман «Там, в гостях». Роман в чем-то забавный, но в то же время грустный и, несомненно, очень личный.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148251-0

© Ишервуд К., 1961

© Издательство АСТ, 1961

Содержание

Мистер Ланкастер	6
Амброз	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кристофер Ишервуд Там, в гостях

Christopher Isherwood
DOWN THERE ON A VISIT

© Christopher Isherwood, 1959, 1961
© renewed, Don Bachardy, 1987, 1989
© Школа перевода В. Баканова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОНУ БАКАРДИ

Тридцать лет назад, главным образом стараниями Джона Лемана, вышел в свет мой второй роман «Мемориал». Это событие положило начало сотрудничеству и дружбе, которые длятся и по сей день. Поэтому я особенно счастлив, что именно Джон Леман в октябре 1959 года первым напечатал в журнале «Лондон мэгэзин» отрывок из этой моей новой книги – эпизод под названием «Мистер Ланкастер».

Мистер Ланкастер

Наконец-то я готов написать о мистере Ланкастере. Давно собирался это сделать, да все как-то не хватало духу: боялся, что не сумею воздать ему должных почестей. Зато сейчас мне видно, в чем была ошибка: я зря воспринимал его как обособленный персонаж. В отрыве от других героев он – не он. А чтобы явить его целостной персоной, следует поведать, как знакомство с ним вылилось в новую главу моей жизни. Точнее, даже в несколько глав, в которых есть и другие герои. Лично из них мистер Ланкастер знал только одного человека – да и то, проведай он о Вальдемаре, в ужасе погнал бы паренька взашей с работы, – но если бы свел знакомство с Амброзом, Джеффри, Марией или Полом... ах, нет, вообразить такое мне не хватит фантазии! Поэтому связующим звеном для всех этих людей остаюсь я. И сколь бы им, возможно, ни претила мысль о компании друг друга, от соседства на страницах моей книги они никуда не денутся.

Весной 1928-го, когда мне было двадцать три года, в Лондон по делам приехал мистер Ланкастер и написал моей матушке с предложением познакомиться. До этого мы ни разу с ним не встречались, и я знал лишь то, что он руководит представительством одной британской паровой компании в портовом городке на севере Германии и приходится приемным сыном деверю моей бабки по материнской линии. (Наверняка есть способ описать нашу связь короче.) Даже матушка, души не чаявшая в родственниках, вынуждена была признать, что нам мистер Ланкастер, строго говоря, не родня. Впрочем, предложила обращаться к нему «кузен Александр», так, мол, теплее и так он почувствует себя своим.

Я согласился. Мне-то плевать было, как к нему обращаться и как он это воспримет. Для меня все, за редким и почетным исключением, кому перевалило за сорок лет, принадлежали к совершенно иному племени: по определению враждебному, но не столько страшному, сколько глупому. Большинство его представителей нелепые, вставшие в маразм любители читать нотации, на которых и внимания-то обращать не стоит. Лишь ровесники казались мне живее этих трупов, а сам я частенько повторял, что предпочел бы скорую и безболезненную смерть, едва начну стариться. Эта перспектива маячила где-то вдали, на горизонте, мне смотреть в ту сторону пока не хотелось.

Мистер Ланкастер не обманул моих ожиданий, оказавшись нелепым до мозга костей. Вот только как бы я ни старался, игнорировать его никак не получалось. Едва успев прибыть, он привел меня в бешенство и унизил. (Сейчас я вижу, что сделал он это не преднамеренно, а, скорее всего, из отчаянного смущения.) Он вел себя со мной снисходительно, подшучивал как над школьником. А самым худшим из оскорблений было обращение «Кристофилос». Из уст мистера Ланкастера оно звучало трепетно, в классическом произношении, отчего еще больше походило на насмешливое обзывательство.

– Бьюсь об заклад, мой распрекрасный Кристофилос, что ты ни разу не бывал на борту трампового парохода, не так ли? Тогда позволь, ради спасения твоей бессмертной души, посоветовать в кои-то веки отпустить мамкин фартук и прокатиться на корабле нашей компании. Покажи, что трудности тебе нипочем. Что ты сумеешь съесть салца во время шторма и под смех бывалых моряков сбегать протошниться за борт. Возможно, это сделает из тебя мужчину.

– Буду только рад, – ответил я со всей доступной мне непринужденностью.

Я так сказал потому, что в тот момент ненавидел мистера Ланкастера и просто не мог оставить вызов без ответа. Я так сказал потому, что в ту пору отправился бы в плавание куда угодно и с кем угодно, меня обурежала жажда неизведанных краев. А еще потому, что заподозрил мистера Ланкастера в блефе.

И ошибся. Тремя неделями позднее из лондонского представительства его компании доставили письмо, в котором сообщалось, что все улажено и мне в такой-то день надлежит быть на борту грузового судна «Кориолан». У ворот дока на Ост-Индия-Док-роуд, в полдень, меня будет ждать сотрудник компании.

На какой-то миг я пришел в замешательство, но потом в дело вступила моя фантазия: и вот я уже был главным героем эпической драмы, вольного переложения Конрада, Киплинга или «Что случилось с Уэрингом?» Браунинга. А когда мне позвонила подруга и пригласила на коктейльную вечеринку в следующую среду, я напряженно ответил, добавляя в голос мрачные нотки:

– Боюсь, не выйдет. Меня здесь не будет.

– Правда? И где же ты будешь?

– Точно не скажу. Где-то посреди Северного моря. На борту трампового парохода.

Подруга ахнула.

Мистер Ланкастер и его пароходная компания не вписывались в мою эпическую драму. Унизительно было признавать, что отправляюсь я не дальше северного побережья Германии, но в разговорах с теми, кто знал меня не очень близко, я нечестно предполагал, будто этот порт захода – лишь первая остановка в долгом и загадочном плавании.

Ну а пока я не вернулся к рассказу от первого лица и снова не заговорил от имени юноши, который сейчас едет в порт на такси, позвольте представить его отдельной, если не сказать отдельной от меня персоной, ибо я и правда отрезал его от себя. Пересмотрел его мнения, изменил акцент и привычные жесты, какие-то привычки и предрассудки убрал, а какие-то выпятил. У нас по-прежнему один костяк, но внешне я так переменялся, что вряд ли этот юноша узнал бы меня в толпе. У нас на двоих один ярлык с именем и непрерывность сознания; я ни дня не переставал говорить, что я – это я, но за прошедшие дни и годы то, чем я являюсь, изменилось до такой степени, что прежним остается лишь сознание собственного существования. А это – свойство любого человека и никому конкретному не принадлежит.

Тот Кристофер, что сидел в такси, по сути, мертв, и все, что от него сохранилось, отражено в гаснущих воспоминаниях тех из нас, кто его знал. Мне его не воскресить. Могу лишь воссоздать его по памяти о его делах и речах и на основе записей, которые он нам оставил. Частенько он меня смущает, и я борюсь с искушением поиздеваться над ним. Подтрунивать я не стану, как не стану, впрочем, и извиняться за него. Надо же проявить уважение. В определенном смысле он мне отец и в некотором – сын.

Какой же он одиночка! Он не один, нет, он окружен друзьями, среди которых пышет жизнью и балагурит. Они даже равняются на него, смотрят ему в рот в ожидании узнать, как им теперь думать, что им любить, что ненавидеть. Для них он деятельен и порывист, и все же в их кругу он отделен ото всех стеной неверия себе, страха и ужаса перед будущим. Ведь прежде его жизнь текла, зажатая в узком русле, и многое он воспринимает наивно; будущего боится и в то же время с диким нетерпением ждет. И дабы придать себе смелости, прямо на ходу превращает его в эпический миф. Он вечный актер на сцене.

Еще больше, чем будущего, боится он прошлого. Его авторитета, его традиций и того вызова и упрека, которые они в себе несут. Возможно, сильнее всего принуждает Кристофера действовать ненависть к предкам. Он поклялся разочаровать их, опорочить свои корни и отречься от них. Хотя смешно то, как он опасается не оправдать их надежд. Впрочем, это лишь полуправда. Ярость Кристофера подлинна, и бунтует он искренне, зная, что только непокорность поможет возмужать и набраться мудрости.

В путешествие он, словно талисман, прихватил одну тайну. И пока он хранит ее, она придает сил: вчера напечатали его первый роман, о чем никто из будущих знакомых не знает! Не знают о том капитан и команда «Кориолана», не знают, наверно, и во всей Германии. Что

же до мистера Ланкастера, то он успел зарекомендовать себя в высшей степени недостойным того, чтобы с ним делились такими секретами. Пусть и дальше остается в неведении. Если только однажды роман не обретет такого успеха, что удостоится заметки в газете... Из суеверного страха Кристофер гонит эту мысль прочь. Нет, нет, книга плоха, ее ждет провал. Все до единого критики куплены, враг заплатил им... Да и к чему вообще зря обнадеживаться, когда мир эпического странствия дарит незыблемые уют и безопасность?

Той весной напыщенные и непроходимо глупые литераторы-современники проищали одно событие, которое – как мы сегодня, в его десятую годовщину, не можем не признать – ознаменовало собой рождение современного романа, каким мы его знаем. В свет вышел «Все – конспираторы». А на следующий день выяснилось, что Ишервуда в Лондоне-то и нет. Он испарился без следа, никому ничего не сказав. Друзья в недоумении разводили руками. Боялись даже, что он покончил с собой. Однако позже, спустя месяцы, по салонам поползли странные слухи о том, как тем же утром, когда вышла книга, смутная фигура взошла на борт парохода в доках Собачьего Острова¹.

Нет, я не стану насмеяться над ним. Не стану просить за него прощения. Я горд быть его отцом и сыном. Я думаю о нем с восхищением, но должен предостеречь: не вздумайте его романтизировать. Не стоит и мне забывать, что храбрость на поверку зачастую оказывается лишь грубым невежеством. Я то и дело забываю, что в собственное будущее Кристофер смотрит не дальше, чем глупейшее животное. Не дальше, чем я заглядываю в свое. Будущее у него необыкновенное: намного счастливее, удачливее и интереснее, чем у многих. И все же, будь я на его месте, то, заглянув вперед, беспомощно воскликнул бы, что мне с таким не справиться.

А так он не в силах предвидеть, что будет с ним в следующие пять минут. Грядущее ему в диковинку и потому непредсказуемо. Но вот такси у цели, и я закрываю око в будущее, дабы снова смотреть на все глазами юного Кристофера.

* * *

Как и было условлено, у ворот дока меня ждал сотрудник компании по имени Хикс – клерк, практически мой ровесник. Прыщавый и бледный от вечных туманов и дымной мглы на Фенчерч-стрит, он был не тот герой, какого я хотел бы встретить в своем эпическом странствии. К тому же он суетливо торопился, чего герои эпосов себе не позволяют.

– Вот так раз, – присвистнул Хикс, посмотрев на часы, – нам бы поторопиться!

Подхватив мой чемодан, он устремился прочь. Ишь, разбежался, да с моими вещичками... Я вынужден был поспешить следом, и так первое действие моей драмы лишилось всякого изящества.

– А вот и он, – вскоре сказал Хикс. – Вон там.

«Кориолан» оказался еще меньше и грязнее, чем я ожидал. Те его части, что еще не сделались черными, имели желтовато-бурый цвет. Такой же, как у рвоты (иного сравнения на ум просто не пришло). Два крана все еще грузили на борт ящики, вокруг которых суетилась команда. Матросы орали что было мочи, лишь бы их расслышали из-за грохота лебедек и крика круживших над портом чаек.

– Чего ради мы так торопились? – попенял я Хиксу, на что клерк равнодушно ответил, мол, капитан Добсон любит, когда пассажиры прибывают заранее. К тому времени он уже утратил ко мне интерес: оставил у трапа, точно посылку, которую принес по назначению и за которую более не отвечал.

¹ Айл-оф-Догс, район в лондонском Ист-Энде, где расположен крупный деловой центр. – *Здесь и далее прим. пер.*

Я протолкался на палубу, где чуть не рухнул в открытый люк. Капитан Добсон заметил меня с мостика и спустился поприветствовать. Это был полноватый коротышка с обветренной красной физиономией и опухшими, выпученными, как у клоуна, глазами.

– Готовьтесь, будет тошнить, – сообщил он. – Ходили с нами мужчинки покрепче вашего, но и те не выдерживали.

Я постарался изобразить испуг, которого от меня ждали.

Внизу я встретил кока китайца, юнгу валлийца и стюарда, похожего на жокея. Последний признался, что двенадцать лет отходил на туристических судах компании «Кунард Лайн», но тут ему нравится больше.

– Здесь ты сам по себе.

Затем он проводил меня в каюту. В ней было тесно, как в шкафу, и очень душно. Иллюминатор ни в какую не открывался. Тогда я отправился в кают-компанию, однако длинный стол там оккупировало с полдюжины клерков, маниакально строчивших опись груза. Я вернулся на палубу и там, подыскав себе местечко в носовой части, постарался никому не попадаться на глаза.

Час спустя мы отчалили. Выход из дока в реку затянулся, потому что выходили мы через шлюзовые ворота, на которых повисла озорная трущобная детвора. Ко мне у перил присоединился один из клерков.

– Будет трясти, – предупредил он. – Эта старушка – та еще плясунья.

Не сказав больше ни слова, он с проворством атлета перемахнул через перила и спрыгнул на отдаляющуюся пристань, махнул мне рукой и был таков.

За полдником в кают-компании я познакомился с помощником капитана и двумя механиками. Мы съели моченую макрель и запили ее безбожно крепким чаем из кружек, а после я вернулся на палубу. Начался тихий облачный вечер. Город остался позади. Доки и склады уступили место серым холодным полям и топям. Мы прошли мимо нескольких плавающих маяков, один из которых назывался «Могильная падь».

Проходивший мимо меня капитан Добсон сказал:

– Это первый этап нашего дерзкого странствия.

Он по-своему пытался создать атмосферу эпичности, и я мысленно поставил ему зачет за старания. А потом пошел в каюту, ибо в наступившей темноте уже ничего не было видно. Ко мне заглянул стюард – по поводу моего питания в пути: платишь фунт и ешь сколько влезет. Думал, наверное, что мне от этого предложения не отвертеться, ведь меня ждет морская болезнь.

– Пару месяцев назад с нами ходил один джентльмен, – с садистским удовольствием сказал стюард. – Ох и трудно же ему пришлось. Если ночью вам что-то понадобится, стучите в стену, хорошо, сэр?

С этими словами он ушел, а я улыбнулся, ведь у меня имелся второй секрет, который я намеревался хранить не хуже первого. Моряки оказались до трогательного просты: им, похоже, были совершенно неведомы чудеса современной медицины. Я же, само собой, принял меры предосторожности. В кармане у меня лежала картонная коробочка, а в ней – завернутые в фольгу пилюли с розовым и серым порошком. Надо было принимать их по одной: один раз перед отплытием и дальше дважды в день.

Утром, когда я проснулся, корабль нещадно кидало вверх-вниз: круто задрал нос, он ненадолго зависал в высшей точке, а затем падал, отчего все в каюте содрогалось. Только я успел проглотить таблетки, как дверь открылась, и ко мне заглянул стюард. По его разочарованному виду я сразу понял, какую картину он ожидал застать.

– А я-то думал, вам нехорошо, сэр, – с укоризной произнес он. – Полчаса назад к вам заглядывал, и вы лежали плашмя, ни слова не сказали.

– Я просто спал как убитый, – ответил я, лучезарно улыбнувшись этому стервятнику.

За завтраком второй механик держал руку на перевязи. Оказалось, что ночью в машинном отделении лопнула труба и его ошпарило. Валлийский юнга по имени Тедди нарезал для него бекон. Делал он это не слишком расторопно, и второй механик грубо его поторавливал, за что получил упрек от первого:

– В старости, помяни мое слово, ты станешь тем еще козлом!

И хотя второй механик получил полугероическое увечье, ощущение эпичности нашего странствия начинало пропадать. Я надеялся, что команда этого судна – люди сплошь иной расы, живущие исключительно морем. На деле же никто из них не оправдал моих представлений о моряках. Старпом был слишком смазлив и походил на актера. Механики с равным успехом могли бы пахать на заводе: механики себе и механики. Стюард был не лучше любой другой профессиональной обслуги. А капитан Добсон вполне органично смотрелся бы за стойкой бара в пабе. Пришлось взглянуть в глаза прозаичной правде: люди в море ходят всякие.

Вообще, мыслями команда пребывала на суше. Они обсуждали фильмы, которые видели, мусолили скандальный развод:

– Таких, как она, называют respectable шлюхами.

Они развлекали меня загадками:

– Чего нет у девочки в четырнадцать, чего девочка в шестнадцать ждет, и чего никогда не получит принцесса Мария? – Ответ: – Страховая карточка.

Я принялся рассказывать анекдот про священника, пьяницу и беспризорников, но, дойдя до развязки: «Вот если бы ты брюки застегивал, как свой воротник...», замялся. Мне было неловко воспроизводить акцент кокни, поскольку с ним говорили оба механика. Впрочем, шутка прошла на ура – команда была ко мне дружелюбна. Хотя ответ на мучивший юношу вопрос: «Что они обо мне думают?» – оставался неизменным: «Ничего». Моряки и бровью не повели, когда я взял себе добавки бекона, тогда как корабль ходил вверх-вниз, точно полотно ножовки.

Весь день «Кориолан» скользил враскачку по беспокойному морю, а когда я выбрался на палубу, то чуть не ослеп от блеска водной глади. Теперь, когда люки задраили и мы шли своим курсом, судно как будто удвоилось в размерах. Я расхаживал по палубе: ни дать ни взять призовой индюк, а капитан Добсон в старой фетровой шляпе попыхивал вересковой трубкой, то и дело снисходительно указывая с мостика на проходящие мимо суда. Всякий раз профессиональный интерес толкал меня к перилам, и я пристально вглядывался в корабли. Позднее капитан смутил меня, когда принес мне шезлонг и собственноручно раскрыл его.

– Теперь можно радоваться, как мальчишка, кокнувший своего папашу, – сказал он и добавил: – Хотелось бы знать вашего мнения вот о чем, – и протянул мне книгу в мягкой обложке с иллюстрацией эротического содержания. Называлась книга «Невеста зверя» и изобиловала сценами вроде: «...горячими ладонями он стиснул ее полные груди, и она закричала от боли и желания одновременно». Будь я в Лондоне среди друзей, мы бы всласть посмеялись над этим романом. Обычно такую макулатуру спешат задвинуть подальше, однако в тот момент я признался себе, что, несмотря на абсурдное содержание, книга меня здорово распалила. Я проглотил ее за час, и капитан Добсон принял это за комплимент. Тедди же все время подносил мне чай и слоеные булочки с джемом.

Я проснулся посреди ночи, будто меня разбудили. Встав на колени на койке, посмотрел в иллюминатор и увидел далекие огни Германии – синие, зеленые и красные, сиявшие над черной водой.

Утром мы вошли в русло реки и двинулись вверх по течению. Капитан Добсон выпил в штурманской с немецким лоцманом и здорово повеселел. Свою старую фетровую шляпу он сменил на щегольскую белую фуражку, в которой еще больше стал похож на комичного

морского волка из варьете. Мы проходили мимо барж, устроенных с уютом, как дома: веселые шторы на иллюминаторах и цветочные клумбы. Капитан Добсон в это время указывал на разные достопримечательности на берегу; заметив одну фабрику, он пояснил мне:

– Там у них сотни девушек чистят шерсть. Жара внутри такая, что они по пояс оголяются. – Он подмигнул мне, а я из вежливости изобразил сальный взгляд.

В гавани, скромно продвигаясь к своему причалу посреди больших судов, «Кориолан» как будто снова измельчал. Капитан Добсон громко приветствовал другие команды, и те отвечали ему. Казалось, его везде рады видеть.

Наконец мы причалили, но палуба оказалась настолько ниже линии пирса, что трап спулся к нам почти отвесно. Офицер полиции, пришедший проверить мои документы, даже помедлил, не решаясь по нему сходить. Капитан Добсон насмешливо покрикивал:

– Проваливай, Фриц! Проваливай!

Фрицами он называл и лоцмана, и капитанов встречных судов. Полицейский со смехом, но при этом крепко держась за перила, спустился к нам задом наперед.

Штампом в паспорте формальности и закончились. Я пожал руку стюарду (бедный неудачник взгрустнул), дал на чай Тедди и махнул на прощание капитану Добсону.

– Поцелуй от меня девочек! – крикнул он с мостика.

Полицейский любезно проводил меня до ворот дока и посадил на трамвай, который ехал напрямиком к конторе мистера Ланкастера.

Здание выглядело впечатляюще. Оно было даже крупнее, чем я ожидал, а внутри великодушные стеклянные двери. Тут работало с полдюжины девушек и вдвое больше мужчин. Юноша лет шестнадцати проводил меня в кабинет к мистеру Ланкастеру.

Я, разумеется, помнил, что он человек высокий, но при этом забыл насколько. Он был очень высоким и очень тощим. Во время рукопожатия, когда он сунул мне свою костлявую ручищу, я инстинктивно, повинаясь подсознательному импульсу, спутнику любой встречи, мысленно стал на долю миллиметра ниже и коренастее.

– Ну вот, кузен Александр, я и прибыл!

– Кристофер, – лениво ответил мистер Ланкастер низким голосом. Не воскликнул, а просто констатировал очевидное. Мол, приехал – и ладно, чему удивляться-то?

У него была по-женски маленькая голова, очень крупные уши, широкие мокрые усы и капризно изогнутые губы. Выглядел он уныло, холодно и подавленно. Конец его длинного красного носа влажно поблескивал. Мистер Ланкастер носил высокий накрахмаленный воротник и нелепые черные туфли. Нет, мне он определенно не нравился. Первое впечатление о нем полностью подтвердилось; к месту вспомнилось изречение одного из моих друзей, Хью Уэстона: «Все уродливые люди злы».

– Я освобожусь, – взглянув на часы, мистер Ланкастер произвел в уме быстрые, но сложные расчеты, – ровно через восемнадцать минут. – И вернулся за свой стол.

Я угрюмо сел на жесткий стул в углу. С ног до головы меня переполняло негодование. Я был жестоко разочарован. Но почему? Чего я ждал? Радушного приема, расспросов о том, как прошло плавание, и похвалы за то, что не блевал всю дорогу? В общем-то... да. Этого я и ждал. Дурачок, мог бы сразу понять, как меня встретят. Я на неделю оказался в плену у этого холодного старого болвана.

Мистер Ланкастер сделал какие-то записи. Потом, не поднимая глаз, взял со стола газету и швырнул ее мне. Это был выпуск лондонской «Таймс» трехдневной давности.

– Благодарю... сэр, – как можно ядовитой произнес я, тем самым объявив ему войну. Однако мистер Ланкастер никак не отреагировал.

Затем он принялся звонить по телефону. Говорил на английском, французском, немецком и испанском. Меняя языки, он, правда, не менял интонаций. Время от времени мистер Ланкастер переходил на крик, и до меня дошло, что он слушает самого себя, наслаждаясь зву-

чанием собственного голоса. В нем было нечто от священника, немного от правительственного министра и ни капли от предпринимателя. Кому-то мистер Ланкастер отдавал указания, кого-то сдержанно хвалил. Его руки ни секунды не знали покоя, а малейшая проблема возбуждала и приводила в ярость.

Прошло полчаса, а он так и не освободился.

Внезапно мистер Ланкастер встал и произнес:

– Ну все!

И вышел прочь, как бы скомандовав следовать за ним.

Прочие сотрудники зрелого возраста уже покинули контору. Видимо, ушли на обед. Задержался только юноша. Мистер Ланкастер сказал ему что-то на немецком, но я разобрал лишь имя: Вальдемар. Когда парень уходил, я широко улыбнулся ему, словно пытаюсь вовлечь в заговор против мистера Ланкастера, однако Вальдемар остался безучастен, ответив по-немецки сдержанным поклоном. Вот тебе новости! Подросток, а уже кланяется! Определенно, молодежь в этой конторе ходила по струнке. Или – о ужас! – Вальдемар зачислил меня в одну с мистером Ланкастером лигу и относился ко мне с тем же насмешливо-презрительным уважением? Нет, вряд ли. Вальдемар просто во всем копировал повадки мистера Ланкастера, приняв их за образец джентльменского поведения.

Домой к мистеру Ланкастеру мы возвращались на трамвае. Стоял теплый, по-весеннему влажный день. Чемодан я нес в руках, а пальто накинул на плечи и потому потел; но это не мешало мне наслаждаться погодой. Она волновала и будоражила мою душу. Я обрадовался переполненному трамваю: нас с мистером Ланкастером разделила толпа, и не пришлось с ним разговаривать, – меня прижимало к телам немцев, моих ровесников, юношей и девушек; набитый вагон раскачивало из стороны в сторону, мы терлись друг о друга, как будто стирая национальный барьер между нами. За окнами трамвая было еще больше молодых людей на велосипедах. На школьниках были картузы с лаковыми козырьками и яркие рубашки со шнуровкой вместо пуговиц, распахнутые у горла. Наш пестрый трамвай ускорялся, лязгая и звеня колокольчиком. Он мчался по длинным улицам вдоль белых домов, тисненая штукатурка на фасадах которых оттенялась широкими листьями ползучих растений, утопающих в сирени садов. По пути мы увидели фонтан со скульптурной группой: Лаокоон² с сыновьями корчились от боли в объятиях змей. На таком солнце я им почти завидовал: гады разинули пасти, изливая на разгоряченные мужские тела прохладную воду. Смертельная схватка казалась скорее непринужденной и чувственной.

Мистер Ланкастер жил в квартире на первом этаже большого дома, обращенного фасадом на север. В просторные комнаты с высокими потолками вели крупные двери-купе: дотронься до них – разъедутся с такой скоростью, что от стука содрогнутся стены. Обставлены помещения были в стиле немецкого ар-нуво: стулья, столы, шкафы и книжные полки производили гнетущее впечатление своими угловатыми очертаниями, воплощающими ненависть к комфорту и негибамый пуританизм. Не уступали им в мрачности и фриз вдоль стен гостиной, изображающий голые ветви, и люстра в середине комнаты – спартанский, болотисто-зеленый бутон стеклянного лотоса. Зимой здесь наверняка невыразимо тоскливо, зато сейчас достаточно прохладно. Единственное, что мистер Ланкастер привнес в декор от себя, – это его школьные и армейские фотографии.

Сильнее прочих привлекала внимание фотография крепкого старика лет семидесяти пяти. Ах, какая борода! Уникальная, попробуйте найти такую же! Чистое серебро. Борода главы истинной викторианской семьи. Она потоками струилась вниз от изящно выгнутых ноздрей и крупных мочек, вскипала пеной на щеках и волнами сталкивалась у подбородка, рождая

² Троянский жрец Аполлона из древнегреческой мифологии; прорицатель, предупреждавший соотечественников не принимать дар греков (коня), за что был убит богами: они наслали на Лаокоона и его семью змей.

кипящую стремнину, в какой не выжил бы ни один корабль. Старый красавец, гордо вскинув голову, выпятил ее, мол, полюбуйтесь!

– Мой дорогой старик-отец, – произнес мистер Ланкастер, и по его задумчивому тону я понял, что Борода уже отдал Богу душу. – Ему еще не было и шестнадцати, когда он обогнул мыс Горн и побывал севернее Алеутских островов, у самой кромки ледяного панциря. В твоём, Кристофер, возрасте, – в голосе мистера Ланкастера послышался легкий упрек, – он ходил вторым помощником на сингапурском судне по Китайским морям. Когда корабль мотали тайфуны, отец в своей каюте переводил Ксенофонта. Это он научил меня всему, что я знаю.

Обед подали холодным: черный хлеб, твердый голландский сыр и нарезку из колбас разнообразных видов: ядовито-розовую, с душиком, с целыми кусками хряща и напоминавшую старый церковный витраж.

Не успели мы приступить к трапезе, как мистер Ланкастер предупредил, что не приемлет послеобеденных сиест:

– Когда я руководил представительством компании в Вальпараисо, заместитель постоянно твердил мне: «Последуй примеру остальных и вздремни». На что я ему отвечал: «Пока испанец дрыхнет, белый человек его обкрадывает».

Все ясно: типичный реакционер. Он явно хотел меня перевоспитать и свято верил в то, что я полон романтических и либеральных представлений, которые нуждаются в противовесе. Тут мистер Ланкастер был прав и ошибался одновременно. В моей голове и правда ютились недоразвитые и неоперившиеся либеральные взгляды, однако, пытаясь запугать меня жесткой дисциплиной, мистер Ланкастер просчитался. Вызвать мой страх могло потворство, а так я воспринял его предупреждение как нечто само собой разумеющееся, скучное и крайне типичное для него.

Мне показалось, что мистер Ланкастер видел себя выше правых и левых и целиком полагался на непогрешимость личного опыта и мудрости, будучи утомленным собственным всезнанием. А еще он ставил себя выше литературы. Сказал, что вечерами плотничает в небольшой мастерской в дальней части квартиры – «лишь бы не читать».

– Книжки как таковые мне ни к чему, – заявил мистер Ланкастер, – получая от них все, что мне нужно, я их выбрасываю. Всякий раз, когда сообщают о новой философии или идее, которая вот-вот изменит мир, я обращаюсь к классике: смотрю, кто из великих греков выразил эту мысль лучше... Писанина наших дней – всего лишь форма нервного расстройства, которая распространяется по миру. Не сомневаюсь, бедный мой Кристофилос, что в скором времени и ты падешь столь же низко и скропаешь собственный роман!

– На днях у меня уже вышел роман.

Позор и ужас! Не думал, что скажу такое. Даже в мыслях не было у меня признания, но оно само слетело с губ. Ну, мистер Ланкастер... Он оказался искуснее любого прокурора.

Унизительней всего было то, что он как будто даже не удивился и не заинтересовался.

– Пришли как-нибудь экземплярчик, – запросто сказал он. – Потом верну тебе с обратной почтой, подчеркнув красным карандашом все расколотые инфинитивы, а синим – всю прочую бессмыслицу. – Он похлопал меня по плечу, а я поморщился от отвращения. – О, и кстати, – сказал мистер Ланкастер, – вечером нам будет легкая закуска...³ – Эту фразу он произнес особенным, чудачески-игривым тоном, как если бы хотел привлечь мое бесценное внимание к тому факту, что процитировал Божественного Лебеда⁴. – Приглашены все шишки из местных парходных компаний, консульств и так далее. Я договорился и насчет тебя.

³ У. Шекспир. «Ромео и Джульетта», акт 1, сцена 5 (пер. А. Радловой).

⁴ «Лебедь Эйвона» – одно из прозваний Уильяма Шекспира, данное ему по цитате из поэмы Бена Джонсона памяти самого Шекспира.

– Нет, – ответил я, совершенно не собираясь никуда идти. Хватит. Нельзя тратить на этого недалекого, беспардонного и самодовольного дурака все свое время. Я могу спокойно уйти сейчас же, сегодня. У меня есть немного денег; могу пойти в бюро путешествий и поинтересоваться, во сколько мне обойдется билет третьим классом на ближайший рейс до Англии обычным пассажирским транспортом. Если не будет хватать – поселюсь в гостинице и телеграфирую матушке, чтобы выслала недостающую сумму. Все просто, мистер Ланкастер не мировой диктатор, и он не может остановить меня. И он прекрасно это знает. Я не ребенок. И все же...

И все же... По какой-то абсурдной, иррациональной, унижительной и приводящей в ярость причине я его боялся! Невероятно, но это было так. От страха я задрожал, и мой голос сделался еле слышным. А мистер Ланкастер как будто не обратил на это внимания.

– Это будет для тебя ценным опытом, – пообещал он, прожевывая черствый сыр.

– Не смогу. – На этот раз я перестарался, и мой голос дал петуха.

– Чего не сможешь?

– Прийти не смогу.

– Отчего же? – Он говорил снисходительным тоном, как взрослый, выслушивающий отговорки школьника.

– У меня и смокинга-то нет... – И снова я напугал себя собственным признанием; ведь собирался же сказать, что уезжаю.

– Я не ждал, что ты озаботишься парадным гардеробом, – невозмутимо отвечал мистер Ланкастер, – и попросил заместителя одолжить тебе что-нибудь. У него примерно твой размер, а этим вечером ему надо быть дома. Его супруга ожидает ребенка. Пятого. Плодятся, как паразиты. Это сушая угроза для будущего, Кристофер. Страшна не война, не эпидемии... Голод... Люди расплодятся себе на погибель. А ведь я предупреждал, еще в двадцать первом году. Написал развернутое письмо в «Таймс» и спрогнозировал взлет роста рождаемости. В редакции испугались того, что я могу быть прав, и они опубликовали только первый абзац... – После этих слов он резко встал. – Ты можешь прогуляться немного по городу, но чтобы в шесть был тут как штык. Хотя нет, лучше даже в пять пятьдесят пять. А сейчас мне пора работать. – И он оставил меня одного.

Банкет устроили в апартаментах над большим рестораном в центре города.

Едва мы прибыли, как мистер Ланкастер сделался до жути занятым. Он энергично озираясь по сторонам, то и дело покидая меня, чтобы поговорить с вновь прибывшими гостями. Он надел зеленовато-черный смокинг, пошитый по довоенному фасону, а за накрахмаленную манжету спрятал белый шелковый платочек. Я в одолженном смокинге, который оказался заметно велик, ощущал себя фокусником-любителем... только без единого кролика в рукавах и карманах.

Надо же, мистер Ланкастер нервничал. Его так и подмывало поделиться со мной причиной тревог, но при этом он не выдал ничего путного. Только знай себе бормотал что-то несвязное да стрелял по сторонам глазами.

– Видишь ли, ежегодная встреча... обычно простая формальность... но в этом году... кое-что повлияло... абсолютная твердость... пусть видят, что на кону. Ведь альтернатива... всюду теперь одно и то же... надо бороться. Бескомпромиссно. Заявить о позиции... раз и навсегда. Посмотрим. Хотя вряд ли осмелятся...

Очевидно, мероприятие должно было вот-вот начаться, потому что гости уже потянулись к двери в дальнем конце комнаты. Мистер Ланкастер, ничего не сказав и даже не велев ждать его, устремился за ними, а я остался сидеть как бедный родственник, на самом краешке небольшого дивана лицом к большому зеркалу в противоположном конце комнаты.

Невероятно редко – одному Богу известно, как и почему, – твой образ в отражении запечатлевается как на фотопленке. Спустя годы достаточно вспомнить нужное зеркало, и вновь увидишь себя таким, каким ты был в то время. Порой и чувства те же испытываешь. Например, в девять лет я забил очень удачный гол на школьном футбольном матче. Вернувшись с поля в раздевалку, я посмотрел на себя в зеркало, и мне почудилось, что невероятный успех изменил меня внешне. Само собой, он не менял меня, но до сих пор помню, как тогда выглядел и что чувствовал. И я до сих пор знаю, как выглядел и что переживал, глядя на себя в зеркало в апартаментах над рестораном.

Я, двадцатитрехлетний, с укором смотрел на себя большими глазами из-под прилизанной светлой челки. Лицо худое, напряженное и такое трогательно-красивое, что хоть сейчас на плакат с призывом от молодежи всего мира: «Спасите нас от стариков! Они ненавидят нас за красоту».

На душе у меня то же, что и у юноши в зеркале. Чувство, посещающее всех забытых и брошенных молодых людей. Бог оставляет их по несколько раз на дню, и они вопиют в отчаянии со своих крестов. При этом я не то чтобы злюсь на мистера Ланкастера, хоть он и бросил меня. Его лично мне винить не в чем, в этот момент он – безликое воплощение мирового предательства молодежи.

Я трепещу в смертном страхе перед управляющим рестораном и официантами, снующими туда-сюда, готовящимися к банкету. Вдруг подойдут и спросят: что я здесь забыл? А если я полноправный гость, то почему не с остальными участниками?

Напрягаю всю волю, чтобы стать для них невидимкой. Уставившись в отражение, я мысленно изгоняю этих людей из сознания, начисто стирая всякий возможный след телепатической связи между ними и мной. Напряжение колоссальное. Меня трясет, мутит, по вискам текут ручьи пота.

Встреча длилась почти полтора часа.

Гости выходили по двое и по трое, и только мистер Ланкастер возвращался один. Он направился напрямиком ко мне.

– Пора подкрепиться, – сказал он с нотками тревожного нетерпения, как бы заранее пресекая отказ. – Я попросил посадить тебя рядом со стариком Мошаду. Он вице-консул и расскажет про Перу. Полагаю, ты говоришь по-французски?

– Вовсе нет. – Я слукавил, но мне так хотелось позлить мистера Ланкастера, вызвать в нем чувство вины – пусть знает, как оставлять меня.

Однако он как будто не слушал.

– Славно. Это будет ценный опыт для тебя.

И снова ушел. Я же присоединился к толпе, которая тем временем направлялась в обеденный зал.

Накрыли четыре длинных стола, главный из которых, почетный, поставили вдоль дальней стены под флагами различных стран. Мистера Ланкастера я заметил, когда он уже садился там. Места для наименее важных персон я распознал так же быстро – они были у двери. И, разумеется, на одной из посадочных карточек было написано мое имя. Справа я увидел карточку с именем Эмилио Мошаду, а секунду спустя рядом со мной присел и сам сеньор Мошаду. Это был миниатюрный мужчина семидесяти с лишним лет. Его доброжелательное красно-коричневое лицо покрывала сеточка морщин – они выделялись чуть более светлым оттенком – и украшали вислые седые усы. Он наблюдал за лицами шумных соседей по столу, и его губы подергивались в довольно жалкой и глупой улыбке. У меня сложилось впечатление, что он не больно-то и горит желанием общаться.

Ужин, как ни странно, был великолепен. (Я даже стал забывать, что мистер Ланкастер никак не причастен к угощению – настолько плотно у меня в этом городе все с ним ассоциировалось.) После супа гости принялись попарно произносить тосты в честь друг друга: сперва

кто-нибудь один привставал с бокалом в руке и, отыскав взглядом адресата, ждал, пока тот обратит на него ответное внимание и тоже поднимется с бокалом в руке. Далее следовал обмен поклонами. Сразу было видно, что дело нешуточное: ни один тост не будет забыт, а если его пропустить, то в будущем дела твои ждут неприятные последствия.

Наблюдая, как выпивают остальные, я сообразил, что мне самому пить нечего. Оказалось, напитки с ужином не подают, их надо заказывать отдельно. Переодеваясь, я впопыхах забыл деньги, и счет пришлось бы направлять мистери Ланкастеру. Ну и ладно, чего беспокоиться? Поделом ему за то, что забыл обо мне. Сеньор Мошаду, как нарочно, тоже остался без выпивки, и я вознамерился разделить с ним бутылочку вина. Набрал полную грудь воздуха, я произнес:

– *Si vous voulez, Monsieur, j'aimerais bien boire quelque chose...*⁵

Он меня не услышал. От стыда мое лицо уже наливалось жаром, но тут кто-то рядом спросил:

– А ведь вы племянник мистера Ланкастера, верно?

Вот незадача. Я испуганно и виновато сообразил, что в попытках заговорить с сеньором Мошаду почти не обратил внимания на соседа по другую руку. Это был мужчина с алчным лицом и без подбородка; он смотрел на меня, поблескивая глазами. Редкие седые волосы были безупречно напомажены и убраны назад. На груди, подвешенный на широкой шелковой ленте, болтался без дела монокль. Оттянутые книзу уголки губ придавали мужчине некоторое сходство с акулой (но уж точно не с людоедом). Я прищурился на его именную табличку и увидел некое венгерское имя, прочесть которое смог бы разве что венгр.

– Не племянник, – ответил я. – И если уж на то пошло, то мы вовсе не родственники.

– Выходит, нет? – обрадовался Акула. – Вы просто друзья?

– Думаю, да.

– Др-р-руг? – смачно покатали он «Р» во рту. – У мистера Ланкастера юный др-р-руг!

Я улыбнулся. Возникло чувство, что мы с Акулой старые знакомые.

– Однако он бросает вас одного, а? Не очень-то по-дружески.

– Что ж, зато теперь за мной приглядываете вы.

В ответ Акула разразился визгливым смехом. (Так ведь он еще и попугай, немного подумав, понял я.)

– Вы под моим присмотром, значит? – сказал Акула-Попка. – Ладно, пригляжу за вами! Уж вы на этот счет не переживайте. Пригляжу обязательно. – Он позвал официанта. – Вы ведь можете мне выпить большую бутылку вина, правда? Не одному же мне ее уговаривать.

– Да уж, зачем так!

– Скажите, давно ли вы с мистером Ланкастером дружите?

– С сегодняшнего утра.

– Только с утра! – Потрясение Акула-Попка разыгрывал, но озадачился он искренне. –

И он уже бросает вас без внимания?

– О, мне не привыкать!

Теперь Акула-Попка смотрел на меня куда более пытливым взглядом. Должно быть, увидел в моей ситуации нечто не совсем обычное, если не сказать таинственное. Вот если бы он понял, что за чудак сидит перед ним, то, наверное, с воплями выбежал бы из зала, но тут подошло вино, и вскоре его любопытство куда-то улетучилось.

Далее ужин протекал вполне безболезненно. Мне было несложно развлекать Акулу-Попку, особенно когда опустела первая бутылка вина и он заказал вторую. Под конец освещение в зале погасили, и официанты внесли подсвеченные изнутри цветными лампами торты-мороженое. Настало время произносить речи. Со своего места, с видом знаменитости, поднялся лысый толстяк. Акула-Попка шепнул мне: это, дескать, мэр. Мэр принялся рассказывать

⁵ Если не возражаете, мсье, мне хотелось бы чего-нибудь выпить (*фр.*).

истории. Когда-то мне поясняли принцип повествования в немецком языке: вываливаешь, если это возможно, на слушателя суть, а в завершении, в конце последней фразы, запикиваешь ее в заключительный глагол. Громоздкий, неуклюжий и зубодробительный. Делаешь театральную паузу и швыряешь его, точно кости на сукно.

После каждой истории гости рыдали от смеха, утирая потные лица платочками. Однако, когда слово дали мистеру Ланкастеру, они уже изрядно утомились, и нужно было постараться, чтобы удивить их. Речь мистера Ланкастера встретили аплодисментами, которые с натяжкой можно было бы назвать учтивыми.

– Мистер Ланкастер сегодня не в духе, – не скрывая коварства и ликования, заметил мне Акула-Попка.

– В чем же причина?

– У нас есть клуб для иностранцев, ведущих дела в этом городе. Мистера Ланкастера три года подряд избирали его президентом. Причем единодушно, соперников у него не было, ведь он представляет столь могущественную парходную компанию...

– Но в этом году выбрали кого-то иного?

– Отнюдь. Мы выбрали его. Впрочем, не без долгих споров. Мы отдали свои голоса из опасений.

– Ха-ха, вот умора!

– Это правда! Мы все боимся мистера Ланкастера. Он у нас как школьный директор. Нет, прошу, не говорите ему этого! Я просто пошутил.

– А я вот его не боюсь! – похвастал я.

– О, так вы – иное дело. Вы тоже англичанин. Мне думается, что когда вы войдете в возраст мистера Ланкастера, люди и вас станут бояться. – Однако тут Акула-Попка говорил не серьезно. Сам не верил в это ни на йоту. Он похлопал меня по руке. – Мне так нравится подтрунивать над вами, слегка.

Мы выпили за это и за здоровье друг друга, прикончив третью бутылку.

Остаток вечера я помню смутно. После речей гости покинули столы; кто-то отправился по домам, но бóльшая часть задержалась и расселась во внешней комнате, заказав еще напитки. Откуда-то появились столики. Те, кому места не хватило, бродили по залу в ожидании, вдруг где-то да освободится. Огни слепили мне глаза, а громкий шум беседы как бы сам собой приглушился до басовитого, сонного гудения. Я устроился за столиком в алькове. Акула-Попка по-прежнему за мной присматривал, только теперь к нему присоединились друзья. И, по-моему, не все они были родом из Венгрии. Один так вообще откровенно походил на француза, другой был швед шведом, – однако компания сложилась крепкая. Казалось, они принадлежат к некоему тайному обществу и разговаривают зашифрованными фразами, с улыбками обмениваясь паролем и отзывами. Интуиция подсказывала, что все они противники переизбрания мистера Ланкастера. Большой силы за ними не чувствовалось; еще бы мистер Ланкастер их не победил! Впрочем, опасность эти люди представляли, и решимости им было не занимать. Такие враги улыбаются тебе, потом бьют в спину, кусают за пятки, быстро отступают и обязательно возвращаются.

Мошаду давно ушел, а я нет-нет да поглядывал на мистера Ланкастера. Ого, да он тоже налился. Я-то ожидал, что он и капли в рот не возьмет – из убеждений или осторожности, – ну, или хотя бы что его голова окажется крепче моей. Мы к тому времени перешли на бренди, и я чуть не лежал на столе.

– В сон клонит? – спросил Акула-Попка. – Ну так я вас взбодрю, ага!

Он подозвал официанта и в деталях, на немецком, заказал что-то, все время перемигиваясь с друзьями. Они посмеялись. Я тоже. Честное слово, мне было плевать, что они со мной сделают.

Наконец официант принес мне напиток. Понюхав содержимое бокала, я спросил:

– Что это?

– Так, небольшая доза особого лекарства.

Акула-Попка и его приятели-заговорщики придвинулись ко мне вплотную, образуя круг, внутри которого мной овладела какая-то гипнотическая сила. Компания наблюдала за каждым моим движением так пристально, что мне стало приятно и лестно. Оказаться в фокусе чьего-то сосредоточенного внимания – это что-то новенькое. Я снова принялся к напитку: какой-то коктейль; я сумел выделить только мускусный душок с нотками гвоздики.

В этот момент я инстинктивно обернулся и увидел мистера Ланкастера. Глазомер принял со мной шутить: мистер Ланкастер стоял как будто в двадцати пяти ярдах от меня и ростом был под двенадцать футов. Хотя на самом деле наверняка находился прямо у меня за спиной.

– Не пей этого дерьма, Кристофер, – строго произнес он. – Это заговор. (А может, он сказал «... наговор»?)

В наступившей тишине я, должно быть, улыбался как идиот, а Акула-Попка с ухмылкой произнес:

– Слушайте герра Ланкастера. Вам этого пить нельзя.

– Конечно, нет, – ответил я. – Как я могу послушаться дражайшего кузена?

И с этими словами опрокинул в себя содержимое бокала. Как будто сигнальную ракету проглотил. От потрясения я даже на мгновение протрезвел.

– Как любопытно, – услышал я себя. – Машинально получилось... Видите ли, я... ну, раз уж он сказал не пить... то мне, скорей всего, не следовало...

Я умолк, так и не договорив, потому что мне стало все равно. Поднял взгляд и увидел, что мистера Ланкастера уже нет. Прошло, наверное, несколько минут.

– Вы ему не нравитесь, – зачем-то сказал я Акуле-Попке.

Тот широко улыбнулся.

– Да просто он боится, что я вас уведу, нет?

– Ну так чего же вы ждете? – набросился я на него. – Разве не хотите меня увести?

– Еще уведем, – ответил Акула-Попка, при этом с опаской поглядывая на вновь появившегося на горизонте мистера Ланкастера. – Тут неподалеку, у гавани, есть кабачок. В нем очень весело.

– В каком смысле – весело?

– Сами увидите.

Чары разрушились. Мне вдруг сделалось катастрофически скучно. О да, я по-своему, садистски заигрывал с Акулой-Попкой, как бы говоря ему: ну, сломи мою волю, удиви, завладей мной, захвати меня. Несчастное робкое создание! Он и мышь бы не захватил! В собственные желания не верил. Ему фатально недоставало бесстыдства. Должно быть, он мнил себя соблазнителем, однако его методы вышли из моды еще в прошлом веке. Они напоминали бесконечную и дурно написанную книгу, которую я ни за что не взял бы в руки.

– Весело? Весело?!

С этими словами я встал и с достоинством, которое еще не пропил, направился туда, где сидел мистер Ланкастер.

– Отвезите меня домой, – приказным тоном сказал я ему. Должно быть, тон и правда был приказной, потому что мистер Ланкастер тотчас подчинился!

Наутро он вышел к завтраку с очень больным видом. Бедный его нос покраснел еще сильнее, а лицо стало серым. Он безжизненно уселся за стол и позволил мне принести еду с кухни. Я же напевал себе под нос мотивчик. Настроение было веселым. При этом я знал, что мистер Ланкастер наблюдает за мной.

– Надеюсь, Кристофер, ты обливаешься холодной водой?

– Этим утром обливался.

– Молодец! Привычка настоящего мужчины!

Я чуть не рассмеялся в голос. Холодной водой я обливался, исключительно когда был пьян; в любом ином случае я считал бы это постыдным и реакционерским занятием. В одном я был согласен с мистером Ланкастером: обливание и правда выделяло мужчину – как врага. Тем не менее я вынужден был признать, что некоторая часть меня – мой внутренний ненавистный подхалим – с радостью приняла незаслуженную похвалу от мистера Ланкастера.

Так или иначе, наши отношения налаживались. По крайней мере, для меня. Я чувствовал, что получил преимущество над мистером Ланкастером и могу быть с ним великодушен. Прошлым вечером я бросил ему вызов, выпил запретный напиток, и мне это сошло с рук. Я мельком увидел закулисы его деловой жизни и понял, что он не так уж и неуязвим и подвержен мелочным амбициям. И наконец, самое приятное, этим утром его терзало похмелье, а меня – нет. Во всяком случае, не такое сильное.

– Боюсь, вчера я был немного занят, – сказал мистер Ланкастер. – Следовало отвести тебя в сторонку и незаметно объяснить положение дел. Ситуация сложилась очень деликатная, и нужно было действовать быстро... – Тут мне стало ясно, что мистеру Ланкастеру не больно-то хотелось рассказывать мне о клубе и о том, как он боролся за переизбрание; вышло бы не так внушительно. Вот он и прибег к приему напыщенного обобщения: – В иных частях мира действуют злые силы. Я бывал в России и знаю. Сталиниста вижу с первого взгляда. Эти с каждым днем все больше смелеют. Повылазили из канав и занимают места у власти. Я предрекаю, а ты слушай и запоминай – через десять лет ты в этот город не то что мать или жену не привезешь, но и любую приличную женщину. Тут будет так же плохо – не хуже, потому что хуже быть не может, – как в Берлине!

– А что, в Берлине все так плохо? – стараясь не выдать заинтересованности, спросил я.

– Во всем сборнике «Тысяча и одна ночь», Кристофер, и во всех бесстыжих тантрических ритуалах на барельефах «Черной Пагоды», картинках из японских борделей, в наигнуснейших фантазиях извращенного восточного ума ты не найдешь ничего столь же тошнотворного, как то, что происходит сейчас в Берлине среди бела дня. Этот город обречен куда вернее, чем тот же Содом. Его жители даже не понимают, как низко пали. Зло там не видит самого себя. Там правит страшнейший из дьяволов – безликий. Кристофер, ты жил как у Христа за пазухой, благодаря за это Небеса. Тебе такого и не снилось.

– Да уж, не снилось, – затравленно проговорил я, приняв – в тот же момент, прямо на месте – важнейшее в своей жизни решение: как можно скорее, всеми средствами отправиться в Берлин и долго-долго не уезжать оттуда.

Днем мистер Ланкастер распорядился, чтобы Вальдемар показал мне город. Мы посмотрели картины в ратуше, посетили кафедральный собор. Капитан Добсон заинтриговал меня своими рассказами о музее Блайкеллер⁶ под ним, о выставленных там мумиях людей и животных. Капитан поведал, как они с братом смотрели на эти трупы: «Была там одна баба, ну, знаешь, в черной юбке. Вот я и решил подглядеть, как там у нее да что. За выставкой следил смотритель, но он как раз отвернулся, и я, такой, говорю братцу: следи, мол, за этим старым Фрицем, – а сам задрал тряпки и вижу... Знаешь что? Да ничего! По всему видать, крысы постарались».

Плоть так усохла, что кроме костей от мумий почти ничего не осталось. Она походила на черную резину. При нас в музее тоже дежурил смотритель, да только к нам он спиной поворачиваться не спешил; посему у меня не было возможности проверить правдивость рассказов капитана Добсона. Эта мысль вызвала у меня улыбку; захотелось поделиться с Вальдемаром.

⁶ «Свинцовый подвал», музей под нефом собора Святого Петра в г. Бремен.

Одна американка, спустившаяся в подвал вместе с нами, поинтересовалась у меня, как эти трупы сохранились. Я ответил, мол, не знаю, и тогда она предложила спросить у Вальдемара. Пришлось признаться, что я этого сделать не могу. Тогда она крикнула попутчику: «Ну разве не мило! Этот юноша совсем не понимает немецкого, а его друг ни слова не знает по-английски!»

Скажите, пожалуйста, что тут милого? Компания Вальдемара меня смущала. Наверняка он был хорошим парнем. Симпатичный, я бы даже сказал, красивый; высокие готические скульптуры придавали ему сходство со статуей ангела в соборе. Неудивительно, что скульптор двенадцатого века взял за модель человека с такой внешностью – возможно даже, прямого предка Вальдемара. Однако в обществе ангела радости мало, особенно если он не разговаривает на твоём языке. Вальдемар таскался за мной хвостом, не проявляя инициативы. Наверняка находил меня столь же скучным, как и городские достопримечательности, утешаясь только тем, что в конторе ещё скучнее.

Я провёл четыре дня в обществе мистера Ланкастера, а оказалось, что целую жизнь. Хотя узнать его лучше я бы не смог и за четыре месяца, а то и за четыре года.

Да, мне было тоскливо, но особенно по этому поводу я не переживал. В конце концов, какой юноша – если в нём присутствует дух – не хандрит львиную долю своего времени? Жизнь проходит не так расчудесно, как ему хочется, вот он и пылает праведным гневом.

Однако я решил примириться с мистером Ланкастером, устыдившись собственного ребяческого поведения в тот первый день. Романист я или нет, в конце концов? В колледже мы с моим другом Алленом Челмерсом любили по очереди повторять девиз: «Всю боль!» Это был сокращённый вариант строчки из сонета Мэтью Арнолда о Шекспире: «Всю боль, что дух бессмертный ощутил»⁷. Таким образом мы напоминали друг другу, что для писателя все есть рабочий материал, нечего брезговать хлебом насущным. Вот я и сказал себе, что мистер Ланкастер – часть «всей боли»; его надо принять и подвергнуть научному анализу.

Едва я остался один в его квартире, как сразу же тщательно обыскал её на предмет улики. Получилось до смешного глупо. Ковров в комнатах не было, и мои шаги производили столько шума, что нестерпимо хотелось сбросить туфли. В одном из углов гостиной стояла пара лыж, удивительно напоминавших самого мистера Ланкастера; мне казалось, будто это фамильяры⁸ и они следят за мной. Я даже рожи им корчил. Впрочем, если не они, то Борода со своей фотографии следил за мной точно. С какой готовностью он взял бы меня к себе на судно и погонял по палубе в студёный снежный шторм где-нибудь близ мыса Горн! Глянешь на него, припомнишь его бедолагу воспитанника, мистера Ланкастера, и сразу хочется призвать старое чудовище к ответу – и за многое.

Поиски обернулись полным разочарованием. Все, что я нашёл интересного, – единственный запертый ящик письменного стола, и пообещал себе как-нибудь изловчиться и поискать секреты в нём. Прочие же шкафы и ящики в доме оставались не запертыми. Ещё одной занятной находкой оказалась форма капитана британской армии; её мистер Ланкастер хранил в шкафу вместе с обычной одеждой. Так он, выходит, из тех мерзких созданий, что делают культ из опыта армейской службы! Следовало догадаться. Ну, значит, будет с чего начинать изыскания.

Тем же вечером, за ужином – единственной съедобной трапезой за весь день, которую готовила нам приходящая кухарка, – я разговорил мистера Ланкастера на тему службы. Это было несложно: едва я упомянул войну, как он принялся будто нараспев перечислять:

– Лоос... Армантьер... Ипр... Сен-Квентин... Компьень... Абвиль... Эперне... Амьен... Бетюн... Сен-Омер... Аррё... – Мистер Ланкастер будто повторял церковные напевы, и мне

⁷ М. Арнолд. «Шекспир» (пер. Р. Рогова).

⁸ Духи-помощники колдуна, часто принимают форму животных (кошки, жабы и т. п.).

уже начинало казаться, что конца и края этому не будет. Но тут он, еще сильнее понизив голос, произнес: – Ле-Като. – Прозвучало как нечто особенно сакральное. Помолчав, он объяснил: – Именно там я написал то, что с сожалением называю одной из немногих и великих военных поэм. – Тон его голоса вновь сделался напевным: – Лишь пушек разъяренно-грозный рев⁹.

– Ну конечно же, – невольно воскликнул я. – И автор...

Я осекся, осознав всю красоту своего открытия: у мистера Ланкастера безудержная мания величия!

– Я мог бы стать писателем, – сказал он. – Я обладал той силой, что есть лишь у величайших авторов, – умением взирать на весь человеческий опыт с абсолютной объективностью.

Он произнес это с такой убежденностью, что мне даже стало страшно. Вспомнились рассказы мертвых о себе у Данте.

– Подобная сила была и у Толстого, – размышлял вслух мистер Ланкастер, – но Толстой был развратник. Я знаю, потому что жил в шести странах. Глядя на крестьянскую девушку, Толстой видел лишь груди под ее платьем. – Он замолчал, давая мне время оправиться от потрясения, нанесенного его сильными словами. Теперь он играл роль великого романиста, что запросто и жестко рассуждает о жизни, на которую смотрит без вожделения и страха. – Поезжай как-нибудь туда сам, Кристофер, и убедись. Взгляни на степи, что простираются на тысячи миль за горизонт, и на беспросветное свинство. На жуткую гангрену лени и вопиющее отсутствие твердого хребта. Тогда-то ты поймешь, как у руля в России встала шайка евреев-атеистов. Мы у себя в Англии не породили еще никого более великого, чем Китс. Он был чист душой, но не видел ясно. Был слишком болен. Нужно иметь здоровый ум в здоровом теле. О, я знаю, что вы, молодые последователи Фрейда, посмеиваетесь над таким, но история еще докажет вашу неправоту. Вашему поколению предстоит платить, платить и платить. Солнце уже коснулось горизонта. Время ваше почти на исходе, и близится ночь варваров. И обо всем я мог бы написать, я мог бы всех предупредить. Однако я, скорее, человек действия...

Вот что я тебе скажу, исключительный мой Кристофилос, у меня для тебя есть подарок. Идея для сборника рассказов, благодаря которому ты приобретешь репутацию писателя. Такого еще никто не творил. Никто на это еще не решался. У всех на уме так называемый экспрессионизм. Индивидуальными себя возомнили. Фу! У них нет выносливости. И все, что смог породить их скуповатый ум, – сухо, как овечий навоз.

Видишь ли, эти глупцы вообразили, будто реализм – это когда пишешь об эмоциях. Считают себя дерзкими, потому что именуют нечто модными словечками-фрейдизмами. Но это лишь пуританизм наизнанку. Пуритане запрещали употребление имен, зато фрейдисты без имен не могут. Вот и все, вся разница. И выбирать-то не из чего. В глубине своих мелких и грязных сердец фрейдисты боятся имен не менее, чем пуритане, ибо до сих пор одержимы ничтожной средневековой еврейской некромантией: рабби Лёв¹⁰ и иже с ним... Однако истинный реализм, к которому никто не осмелится прибегнуть, в именах не нуждается. Истинный реализм идет дальше.

Поэтому вот как я поступлю...

Тут мистер Ланкастер сделал выразительную паузу. Встал, пересек комнату, вынул из ящика комода трубку, набил ее, закурил и, закрыв ящик, вернулся за стол. На все у него ушло пять минут, и все это время его лицо оставалось каменным. Однако же я видел, что ему просто доставляет наслаждение держать меня в напряженном ожидании, и я, против своей воли, прогнулся.

⁹ У. Оуэн. «Гимн обреченной юности» (пер. С. Сухарева).

¹⁰ Исхуда Лива бен Бецалель (1512–1609), он же Махараль из Праги, раввин, один из виднейших мыслителей и ученых своего времени. По легенде, создал Голема для защиты еврейского народа от гонителей.

– Так вот, я бы поступил следующим образом, – наконец продолжил мистер Ланкастер, – написал бы серию рассказов, которые бы не описывали эмоцию, а создавали ее. Подумай, Кристофер: история, в которой ни разу не звучит слово «страх», он не описывается, но вызывается у читателя. Представляешь, какой силы будет этот страх?

Я бы написал рассказ о голоде и жажде. А еще рассказ, вызывающий гнев. И еще один, самый ужасный из всех, наверное, даже слишком ужасный, и писать его не стоит...

(Неужели рассказ, навевающий сон? Я не сказал этого, но подумал – и очень громко.)

– Рассказ, – желая добиться максимального эффекта, мистер Ланкастер заговорил очень медленно, – пробуждающий инстинкт... репродукции.

Я исследовал мистера Ланкастера не только во имя одного лишь искусства. К этому времени я осознал, что на мою личность он способен произвести поистине грозное воздействие. Опасно было прекращать мыслить о нем как о нелепом создании и начинать воспринимать его как человека, ведь тогда мне придется возненавидеть его за то, что он меня тиранит. Если позволить себе ненавидеть его, а ему – тиранить меня, то придется удариться в дефектную, дегенеративную желчность, бессильную злость раба. Если и правда существует такая вещь, как реинкарнация – почему нет? – то во времена Древнего Рима я, должно быть, прислуживал мистеру Ланкастеру рабом-писарем. Мы жили, наверное, на вилле-развалюхе в самом конце Аппиевой дороги. Я воображал себя поэтом и философом, а сам тратил жизнь, записывая за хозяином пустопорожнюю болтовню, и терпел его сокрушительно тривиальные размышления о загадках природы. Хозяин, конечно же, был беден и скуп, и мне приходилось работать за двоих: ко всему прочему таскать дрова и воду, а то еще и кухарить. При этом, общаясь с рабами с других вилл, я делал вид, будто не опускаюсь до ручного труда. Ночами я лежал, не смыкая глаз и замышляя убийство господина, на которое никак не решался из страха перед тем, что меня обязательно поймают и распнут.

Нет, мистера Ланкастера следовало рассматривать научно или не рассматривать вовсе. Изучать как наглядное пособие. Я даже составил конспект того нашего разговора за столом.

– Самое худшее в нынешней моей работе то, что она не задействует и сотой доли моего мозга. У меня мысленный замок. Вот на войне батарейный старшина давал мне решать задачи артиллерии, и я справлялся за один день. Без всякой математики предлагал по три решения для каждой... Пойми одно, Кристофер, этому миру необходимо научиться верить в положительную силу зла. Радость жизни – всей жизни – в том, чтобы сражаться с этим злом. Если упустим это из виду, утратим смысл бытия. Впадем в смертельное отчаяние Гликона¹¹:

*Panta gelōs, kī panta konis, kī panta to māden,
panta gar ex alogōn esti ta ginomena...*

*(Все есть лишь смех, пыль и ничто,
Все из безумия родилось...)*

Вот тут-то язычников и поджидал конец, они достигли края безбрежного моря. Большого им было не видать. У нас нет причин следовать их примеру, ибо на их отрицание мы ответим великолепным утверждением Гарета¹², его словами, что он произнес матери, когда она просила его остаться дома, прельщая радостями бесцельной жизни:

Мужчина я и ждущий мужского дела.

¹¹ Греческий поэт, автор стихотворного размера гликоней.

¹² Гарет Белоручка или Рыцарь Кухни, персонаж легенд о рыцарях Круглого стола, племянник короля Артура.

*За ланью следовать? Нет! За Христом,
За Королем идти и честно жить,
Стоять за правду и разить неправду –
Не для того ль рожден я?¹³*

Не забывай об этом, Кристофер. Повторяй это каждое утро, сразу как проснешься. Не для того ль рожден я? Не спрашивай, можем ли мы победить! Просто борись, сражайся!

*Не ропщи, что не жил всласть!..
Форт безумья должен пасть.
И падет, а твой резон –
Пасть на миг скорей, чем он!¹⁴*

Никто из этих твоих умников-модернистов не наделен голосом Арнолда. Вот у Мередита¹⁵ он был, у Уильяма Уотсона¹⁶ он был, но Уотсон был последним. Потом сцену заполнили умствующие модернисты, и мы утратили посыл.

Я мог бы вернуть его. Я мог бы воскресить его. Однако как-то утром в начале лета услышал иной зов. У самой кромки Мер-де-Глас, под Монбланом. Я созерцал это широкое и ослепительное море льда, и тут голос спросил меня: «Кем хочешь стать? Решай». И я ответил: «Помоги мне выбрать». Голос предложил: «Хочешь любви?» И я ответил: «Только не ценой службы». Голос предложил: «Хочешь богатства?» И я ответил: «Только не ценой любви». Голос предложил: «Хочешь славы?» И я ответил: «Только не ценой истины». Наступила долгая тишина, и я ждал, прекрасно зная, что голос обратится ко мне снова. И вот наконец он заговорил: «Хорошо, сын мой. Теперь я знаю, что тебе дать»...

Перед тобой открыты все дороги, Кристофер. Ты пока не знал любви, но она еще будет. Она приходит ко всем. Правда, всего раз, на этот счет не заблуждайся. Любовь приходит и уходит, и мужчина должен быть к ней готов. Узнать ее, когда она явится. Есть недостойные ее – те, кто позволяет себе опуститься и стать неподходящим для нее. А кто-то не торопится ее получать – из гордости или из страха собственного благополучия? Не нам судить. Но ты будь готов к ней, Кристофер. Будь готов...

* * *

Однажды утром, когда мистер Ланкастер собрался на работу, я заметил, что ящик его письменного стола, обычно запертый, сегодня остался открытым. Мистер Ланкастер забыл ключ, подвешенный к целой связке других ключей, прямо в замочной скважине. Наверняка хозяин скоро заметил бы пропажу и вернулся, поэтому с обыском следовало поторопиться.

Первым, что попало мне на глаза, был армейский револьвер. Должно быть, очередной сувенир, прихваченный с войны. Я же счел его абсолютно неинтересным: в столе должны были быть другие, куда более достойные секреты. Я пролистал стопку старых оплаченных счетов и устаревших железнодорожных расписаний. Куски использованной проволоки, закопченные лампы, разбитые фоторамки, ржавые детали какого-то моторчика, изношенные резиновые

¹³ А. Теннисон. «Гарет и Линетта» (из цикла «Королевские идилии. Круглый стол») (пер. В. Лушина).

¹⁴ М. Арнолд. «Последнее слово» (пер. А. Сендыка).

¹⁵ Джордж Мердит (1828–1909) – английский писатель. Для его творчества свойственен отход от островной английской замкнутости, европеизация, за которую и выступал Арнолд.

¹⁶ Уильям Уотсон (1858–1935) – английский поэт, легкие и противоречивые, в политическом смысле, стихи которого поначалу имели успех, однако позднее, со сменой вкусов, утратили популярность.

ленты... Казалось, мистер Ланкастер складывает сюда и прячет подальше от глаз все, что могло выдать его неопрятность.

Однако в верхнем ящичке, который уж больно сильно выделялся и потому виделся мне не самым пригодным для хранения секретов местом, отчего был проверен в последнюю очередь, я отыскал толстую записную книжку в глянцево-черной обложке. И пришел в возбуждение, увидев, что она заполнена стихами, написанными рукой самого мистера Ланкастера; похоже, это была длинная эпическая поэма, которую я просмотрел по диагонали. Было много описаний природы: горы, моря, звезды, – приводились юношеские переживания автора и монологи в духе Вордсворта, говорилось о Боге – очень, очень много, – о странствиях, войне – мама дорогая, куда же без войны! – а потом снова о странствиях и... так-так-так, ага, что это у нас? Ну наконец-то, что-то интересное!

*Был там он, –
Давным-давно, о Боже, как же все-таки давно, –
Кто при дыхании сирени, когда она цвела бездыханно,
Доверив дальше сохранять секрет своим бутонам,
Пообещав потом его раскрыть, коль скоро срок придет,
Ведь так определено, – на дня закате
И там была она, приход которой он ощутил еще допрежь,
Чем увидал ее. Она не знала,
Что слышит в сумерках он в поступи ее,
Какую пустоту тот сумрак для него принес,
Когда ее не стало вскоре рядом, – то тропы Жизни
Увели ее куда-то. Не знала же она,
Уйдя своим путем, что совершила,
По незнанию; какую в сердце привнесла она
Красу и боль оставила горчить потом.*

Как тогда эти строки повлияли на меня, я не помню потому, что в те мгновения я отнесся к ним исключительно как к находке. Поиски сокровищ удалась! Я ликовал. Вооружившись бумагой и карандашом, я переписал стихи, уже воображая, как потом зачитаю их друзьям в Лондоне.

Едва я успел закончить, как мистер Ланкастер вернулся домой. Вошел он так бесшумно, что у меня не оставалось времени, чтобы попытаться скрыть следы своих поисков. Я успел только сунуть записную книжку назад в ящик стола и достать револьвер, что, как мне кажется, свидетельствует о быстром уме. Не так постыдно попасться за изучением револьвера, как за чтением чьей-то автобиографической поэмы.

– Верни на место! – хрипло пролаял мистер Ланкастер.

Прежде он со мной такого тона себе не позволял. Испугавшись поначалу, я разозлился.

– Он не заряжен, – ответил я. – И потом, я же не ребенок.

Впрочем, револьвер на место вернул и тут же вышел из комнаты.

(Сегодня, вспоминая те события, я вижу поведение мистера Ланкастера в другом свете. Мне открывается, как в наших с ним беседах он пытался пробудить во мне интерес к его персоне. Разве не ждал он, например, что я спрошу, чем же его одарил тот голос у ледника под горой Монблан? Или не надеялся хотя бы на то, что я стану умолять рассказать мне про историю его любви? Не оставил ли он ключи в замке стола намеренно – если не подсознательно, – в попытке приманить меня, чтобы я нашел и прочитал его поэму? Если так оно и было, то, не проявляя любопытства, я был к нему жесток. И все мои научные изыскания таковыми не были,

ведь я заранее, чего не подобает делать ни одному ученому, был уверен в том, что обнаружу: свидетельства занудства.

Значит, вернувшись и застав меня с револьвером, а не поэмой в руках, мистер Ланкастер, наверное, даже если не мог объяснить себе причину, был сильно разочарован. Отсюда и взрыв гнева.

Про револьвер он, должно быть, вовсе забыл. И я, по всей видимости, стал тем, кто напомнил ему, что все это время в нижнем ящике стола, посреди юношеских фантазий, лежал металлический кусочек его жизни.)

За два дня до моего отплытия назад в Англию мистер Ланкастер взял меня на прогулку под парусом. Он не спрашивал моего мнения, просто изложил план, и я его принял. Мне тогда было откровенно наплевать на происходящее. После случая с револьвером наши отношения охладели, и я считал часы до возвращения домой.

Когда рабочий день закончился и контора закрылась, мы на машине поехали за город, на реку, где мистер Ланкастер держал свою яхту. По пути мы забрали сеньора Мошаду, и я был рад его обществу, поскольку ни минуты не хотел проводить наедине с мистером Ланкастером. Много позднее до меня дошло, что из всех знакомых мистера Ланкастера Мошаду был последним, кто до сих пор не сопровождал его в подобного рода прогулках. Прочим, несомненно, хватило и одного раза.

Втроем мы ютились на переднем сиденье крохотного авто с выносным двигателем, установленным сзади под тентом. Довольно скоро мы сбились с пути. Мистер Ланкастер забыл прихватить карту и теперь сильно нервничал, в то время как машина тарыхтела по узкой и неровной песчаной дороге, в наступающих сумерках огибая болото. На пойменных лугах наполовину в воде стояли старые фермерские домики. Вдоль дамбы чопорно прошелся журавль, а после, хлопая крыльями, полетел прочь над пышным болотистым пейзажем. Меня разнежило, накатило мечтательное и романтическое настроение. Какая вообще разница, где мы? Зачем нам вообще направление? Но мистер Ланкастер проявлял упорство безумца.

Когда уже начинало темнеть, на болоте показалась плоскодонка с двумя пассажирами. Мистер Ланкастер остановил машину, взбежал на дамбу и поприветствовал их. Оказалось, что это были мальчик и девочка, маленькие светловолосые дети. Просто поразительно, как им удавалось управлять плоскодонкой, – скорее разумные животные, чем безмозглые детишки. Взявшись за руки, они встали и смотрели на мистера Ланкастера огромными и пустыми голубыми глазами, раскрыв рты, будто в ожидании, что он их накормит. Мистер Ланкастер обратился к ним – как он потом сам рассказывал – на высоком и простом немецком. Он словно говорил с идиотами – очень медленно, устроив такую выразительную пантомиму, что даже я понял, о чем он толкует. Но только не дети. Они все смотрели на него и смотрели. Мистер Ланкастер перешел на крик, размахивал руками – они и бровью не повели. Им просто не хватало ума, чтобы его испугаться. Наконец мистер Ланкастер сдался, развернул машину и повез нас в обратную сторону.

К месту назначения мы прибыли поздно ночью. Гостиница была под завязку забита отдыхающими, и свободной оставалась только одна комната. Впрочем, это, наверное, был самый шикарный номер, потому что в нем нас ждали внушительных размеров кровать на подиуме и тахта. Главным украшением служила фотогравюра полуобнаженной девицы в «артистической» позе. Мистер Ланкастер решил, что спать он будет на тахте, сеньор Мошаду займет кровать, а меня отправил в кабину яхты. Перед уходом, опередив его, я съязвил:

– Это станет для меня ценным опытом.

Однако мистер Ланкастер не отреагировал на сарказм.

Проснувшись ранним, зато очень светлым утром, я не мог определить: то ли романтизировать происходящее, то ли захандрить. Следовало признать, что положение мое и впрямь

было романтическим: я один, на чужбине, и в моем распоряжении парусная лодка! Наверняка прочие отдыхающие смотрят на меня и недоумевают. Еще не было и шести часов, а они почти все уже не спали.

Вдоль реки расположилась деревенька, и к берегу спускались пивные сады. На лодках к топам мачт привязали тополиные ветки, ими же школьники украшали рули велосипедов. У кого-то на лодке играл граммофон, кто-то сам исполнял что-то на концертине и пел. Пили пиво, жевали колбаски, и всюду витал аромат сваренного на свежем воздухе кофе. Девушки были в теле и милы; мужчины – короткостриженные, розовощекие, как поросята, блондины – продолжали петь, даже бреясь и причесываясь, и умолкали лишь тогда, когда чистили у воды зубы.

Все это наполняло меня радостью, однако была и другая сторона медали: затекшее после ночи на узкой койке тело и головная боль. И мистер Ланкастер: он поднялся на борт и рассердился, увидев, что я до сих пор не прибрался и толком не оделся, и вообще загорал, растянувшись на палубе. К тому времени, как мы позавтракали в гостинице и меня настиг запор – как всегда, если приходится пользоваться незнакомой уборной, и тем более, если еще подгоняют, – мной овладела хандра.

Мы подвесили к корме мотор, но он никак не хотел заводиться. Пришлось послать в ангар за механиком, и пока он работал, собралась приличная толпа зевак. Мистер Ланкастер помогал тем, что суетился и делал замечания. За это же время он умудрился прочесть мне лекцию на основе собственного опыта:

– Это напоминает мне случай на войне. Мы тогда прямо перед рассветом покидали одну деревеньку под Лоосом, потому что знали: едва рассветет, как немчура примется обстреливать нас из пушек. Мне было любопытно, как я буду действовать в таком напряжении, потому что наш полковник, видимо, перепугался. И я замерил пульс. Он был абсолютно ровным. Мозг работал так четко, что я, отдавая приказы старшине, представил себе шахматную задачу, о которой недавно читал в «Таймс»: черные должны поставить мат в три хода, – и увидел решение, Кристофер. Мне даже думать не пришлось. Я мысленно представил доску – как будто смотрел на карту города и говорил себе: видно же, вот кратчайший путь к рыночной площади. Вопросов не осталось. Я убежден, что мог бы в тот момент провести сеанс одновременной игры на полдюжины партий и победить во всех. Как там Софокл говорил о величии человека, чей разум поднимается на пик перед лицом судьбы?.. – И он вновь разразился длиннющей, зубодробительной цитатой на греческом. Ужаснейшим из языков называл его Хью Уэстон и был абсолютно прав!

Наконец мы отчалили и направились к морю. Мистер Ланкастер резко упрекнул меня за то, что я обронил какие-то рыбацкие снасти. Я ответил ему злобным взглядом, а он, желая поставить меня на место и унижить, полностью переключился на Мошаду и говорил с ним только на испанском. Для меня это стало подлинным избавлением, а вот Мошаду не на шутку встревожил, поскольку изысканные манеры требовали беседовать и со мной тоже – теперь, когда он не мог игнорировать мое присутствие. (Уверен, он и не помнил, что мы сидели рядом на банкете.) Вот он и обращался ко мне время от времени на французском, однако из-за жуткого акцента я понимал его с трудом. Впрочем, это было не самое страшное. Гораздо больших усилий мне стоило придумывать ответы и поддерживать беседу.

К примеру, Мошаду сказал: «*Je suppose que le sujet le plus intéressant pour un écrivain, c'est la prostitution*»¹⁷, на что я ответил: «*Monsieur, vous avez parfaitement raison*»¹⁸, и на этом мы застряли.

¹⁷ Полагаю, что самый интересный сюжет для писателя – это проституция (фр.).

¹⁸ Вы чертовски правы, мсье (фр.).

Мы вышли в просторный эстуарий. Мистер Ланкастер посадил меня у руля, а сам пошел готовить удочки.

– Сосредоточься, будь начеку, – сказал он. – В реке полно песчаных отмелей. Осторожно. Осторожнее! **ОСТОРОЖНЕЕ!** Взгляни, какого цвета вода там, впереди! Вот тут самый малый! Ровней держи! Ровней. Ровней. Ровней. Теперь жми! **ЖМИ!** Живее, салага! На левый борт! **ЛЕВО** руля! Потопить нас хочешь? – (На выходе из реки поднялась небольшая волна. Совсем слабая, ее почти не чувствовалось.) – Вперед, точно вперед! Держи курс на два градуса на юго-запад. Держи курс. **КУРС ДЕРЖИ.** Осторожней, салага! Отлично. Молодец! Вот молодец! Хорошо правите, сэр! Я даже боюсь, Кристофер, что мы из тебя матроса сделаем!

Ничего достойного похвалы я не совершил, разве что не дал нам врезаться в буюк размером со стог сена. Энтузиазм мистера Ланкастера в безумии не уступал его тревоге. И все же – как и в случае с обливанием холодной водой – я, как идиот, почувствовал себя польщенным. Ах, если бы он знал, как легко мной управлять; как чуток я к примитивнейшим комплимен-там! А впрочем, нет, даже узнай он это, его отношение ко мне вряд ли бы изменилось. Он не стал бы хвалить меня, сочтя лесть пагубной для моей души.

А за душу Мошаду мистер Ланкастер, видно, не переживал: всю и совершенно бесстыдно умасливал его, перейдя ради меня на французский. Он по-английски назвал Мошаду «славным малым», объяснив потом значение эпитета на французском. Мошаду восхищенно захолопал в ладоши, сказав:

– Плавный малый! Я – плавный малый? О да!

– Правда же, милый старичок? – снисходительно заметил мне мистер Ланкастер. – Он на три четверти индеец из Перу, знаешь ли. Его отец, скорее всего, жевал листья коки и не носил обуви. Вот тебе истинный, неиспорченный латинос. Неважно, сколько ему лет, – он всегда ребенок.

К тому времени мы оставили мелководе далеко позади, и плоский дюнный берег превратился в бледную полосу между сверкающим морем и сияющим небом. Кругом на водных просторах белели надутые паруса. Мистер Ланкастер, видимо, очень довольный собой, стоял на носу яхты и напевал:

*Pervixi: neque enim fortuna malignior unquam
erepiet nobis quod prior hora dedit*¹⁹.

Меня с внезапной силой наполнило осознание того, насколько ужасные странствия выдалась Одиссею и команде «Пекода», и что сам я рано или поздно спрыгнул бы за борт, лишь бы избавиться себя от смертной тоски Улисса и Ахава.

Тем временем мистер Ланкастер объявил, что настало время порыбачить. Он выдал нам с Мошаду удочки, и мы неумело забросили лески в море. Возможно, я сумел бы даже отдохнуть, если бы небеса вдруг не решили покарать меня за леность, явив банальнейшее чудо, – иначе как чудесным наш улов было не назвать. Мы напали на косяк макрели!

Мистер Ланкастер совершенно ополоумел.

– Осторожно! **ОСТОРОЖНО, САЛАГА!** Легче, легче, легче же! Выбирай леску! Упустишь ведь! Играй с ним, салага! Не жди! Борись! Вот ведь упертый черт! Не на меня смотри, салага, на него! **ЗА НИМ СЛЕДИ!** Спокойно! Не горячись! **ПОРА...**

Словами не передать, как это все было излишне, ибо мы при всем – абсолютно всем – желании не смогли бы упустить эту несчастную рыбу. Разве что выбросив удочки за борт и улегшись на палубу. Мошаду позабыл и французский, и испанский, издавая нечто вроде индейских

¹⁹ «Да, с трудом я выжил, и будь судьба ко мне еще нещадней, даров тех прежних ей не отнять» (лат.). Отрывок из безымянного стихотворения Гая Петрония Арбитра (14–66).

охотничьих призывов на каком-нибудь диалекте андских племен. Поначалу азарт захватил и меня, и я доставал рыб из воды одну за другой. Наконец я притомился, а потом мне и вовсе стало противно. Улов давался до неприличия легко, и к тому времени, как мы закончили, в лодке трепыхалось по меньшей мере тридцать рыбин.

Мистер Ланкастер принялся чистить их, готовя к обеду, и на Мошаду внимания почти не обращал. Я снова сел у руля, а взглянув на старичка, увидел, что он почти выпадает за борт. Изогнувшись натянутым луком, Мошаду стоял на негнущихся, широко расставленных ногах. Я было решил, что у него удар, но нет – он лишь отчаянно тянул что-то из воды. С таким видом, будто хотел притянуть само дно моря. Вот он обернулся ко мне и, чуть не задыхаясь от натуги, проговорил:

– *Poisson!*²⁰ – что прозвучало скорее как «поссум».

Естественно я, повинувшись порыву, вскочил, чтобы помочь ему, за что, к удивлению – а после к ярости, – получил от мистера Ланкастера свирепый удар наотмашь в грудь. Меня отбросило, и я плюхнулся на место. Будь у меня нож, я бы схватился за него и прикончил кузена прямо там. А так лишь мысленно прокричал: «Тронешь меня еще раз, старый козел, и я удавлю тебя!» Мистер Ланкастер же проорал мне в лицо: «Оставь его, глупый мальчишка!» Тут он, должно быть, увидел в моих глазах лютую ненависть и уже не столь истерично добавил: «Никогда – слышишь, НИКОГДА! – не помогай мужчине вытаскивать улов! Ты разве этого не знаешь?»

Потом он направился к сеньору Мошаду, который в это время выбирал леску, опустился рядом на колени и заговорил по-французски – увещевая, подбадривая, заклиная, моля дышать глубже, расслабиться, поддерживать натяжение, тянуть медленно и нежно. «*Ça va mieux, n'est-ce pas? Ça marche? Mais naturellement...*»²¹ Он до абсурдного напоминал мне повитуху, помогающую женщине разродиться. И правда, Мошаду медленно, но верно, преодолевая бесконечную боль, разродился огромной рыбиной – тунцом, как подсказал мистер Ланкастер. Забагрив улов, мы оставили его волочиться в воде за лодкой, чтобы не пропала свежесть.

Затем мистер Ланкастер приготовил макрель на спиртовке. Хотелось бы мне проявить крепость ума, но голод напал просто зверский. Мистер Ланкастер, конечно, неумеха такой, сжег рыбу, однако она была вкусной и пахла замечательно. К тому же я оказался в неловком положении: нельзя же было обижать Мошаду, ведь он праздновал личную победу, с которой его надлежало периодически поздравлять. Вполне возможно, таких счастливых дней ему пережить уже не получится. Я пошел на компромисс, решив не обращать внимания на мистера Ланкастера. Но он этого просто не заметил.

В таком настроении мы развернулись назад. Мистер Ланкастер самодовольно повторял, нахваливая себя: как он подгадал со временем приливов, так что волна подхватила нас и на пути в море, и обратно. Впрочем, даже с попутными волнами долгая поездка казалась мне утомительной. Когда мы вошли в устье реки, я снова сидел на руле, и мистер Ланкастер ко мне придирался. Похоже, мы сбились с курса, но мне-то откуда было знать?! Толку следовать его псевдоморяцким указаниям все равно не было, и я плыл куда глаза глядят.

И вдруг мистер Ланкастер как заорет:

– ПЕСОК! ОТМЕЛЬ ВПЕРЕДИ! МЕНЯЙ КУРС! НА БОРТ БЕРИ!

Того, что произошло дальше, не ожидал никто. Во всяком случае, я точно ничего не планировал, но вот как вышло: к тому времени я уже приновился к рулю и знал, какую нагрузку он способен выдержать. Оказалось достаточным перестараться самую малость, исполняя приказ мистера Ланкастера. Я изменил курс – круто изменил, – и крестовина, к которой крепился подвесной мотор, сломалась с изысканным, ласкающим слух треском. Мотор исчез под водой.

²⁰ Рыба (фр.).

²¹ Уже лучше, не так ли? Идет? Но, естественно... (фр.)

Я поднял взгляд на мистера Ланкастера и чуть не рассмеялся.

На миг мне показалось, что он вот-вот проглотит собственный кадык.

– Болван! – накинулся на меня мистер Ланкастер. – Дурак! Проклятый идиот!

Сильно раскачивая лодку, он двинулся ко мне, однако я ни капли не испугался. Понимал, что он не посмеет – просто не сможет – ударить меня. И он не ударил.

Вообще вода в том месте была такая мелкая, что мы без особого труда подняли мотор на борт, хотя, конечно же, не могло быть и речи о том, чтобы завести его снова. Для начала механизм предстояло хорошенько почистить. Оставалось только идти под парусом.

В деревню мы возвращались почти весь остаток дня. Ветерок дул слабенький, да и мистер Ланкастер правил лодкой из рук вон плохо: не обогнал нас только ленивый. Мистер Ланкастер угрюмо вел наше суденышко, а Мошаду, притомившись, мирно подремывал. Наконец нас взял на буксир прогулочный пароходик. Помощь мистер Ланкастер принял неохотно, да и то лишь потому, что уже темнело. Я видел, какое это было для него унижение.

На корме парохода в это время уединилась парочка: мужчина и женщина; совсем уже не молодые и не красивые, они укрылись от прочих пассажиров, зато для нас были как на ладони. Они от души занимались любовью. В некотором смысле и это унижало мистера Ланкастера, ибо любовники, похоже, плевать хотели на его мнение. Я же мысленно занял их сторону и одобрительно улыбался; правда, мое мнение их тоже не волновало.

Сам же я пребывал в чудесном настроении. Утопив мотор – лишь наполовину намеренно, – пребывал в экстазе, будто выплеснул всю свою агрессию. Больше я не думал о мистере Ланкастере с отвращением. Я не думал о нем вообще. Мои мысли скакунами унеслись прочь, лихо обогнав мое настоящее и меня самого в этой лодке; они оставили мистера Ланкастера и Германию вместе с ним далеко позади. Вернулись в Англию, в мою комнату, за рабочий стол. Впрочем, сам я, физически, возвращаться туда не спешил. Время пока не пришло, мне предстояло многое обдумать. Этот день – несмотря на поведение мистера Ланкастера – я буду помнить всю свою жизнь. Ибо в самой его середине – наверное, в тот самый миг, когда мотор с плеском погрузился в воду, – меня осенило. Некий голос произнес: «Две женщины... призраки живых и призраки умерших... мемориал». В следующее мгновение кусочки картины у меня в голове собрались воедино, и я увидел готовую композицию. Пока что смутно, но с сильным возбуждением я разглядел план нового романа.

Настал день возвращения в Англию. Вечером мне предстояло отбыть домой на «Кориолане».

С утра мистер Ланкастер, со свойственной ему небрежностью, уведомил меня, что Вальдемар устроит мне экскурсию в картинную галерею. Обедать мне тоже предстояло в обществе Вальдемара, поскольку самого мистера Ланкастера ждала деловая встреча. Однако ровно в четыре пятнадцать мне надлежало быть дома. Я ничего не ответил.

Едва мы с Вальдемаром оказались на ступенях галереи, а мистер Ланкастер скрылся за углом, как я, посмотрев на спутника, твердо покачал головой и сказал:

– *Nein*²².

Вальдемар озадаченно посмотрел на меня в ответ. Затем указал на вход в галерею и спросил:

– *Nein?*

– *Nein*, – с улыбкой повторил я и жестами изобразил, как плыву брассом.

Вальдемар мгновенно просиял.

– *Ach – schwimmen! Sie wollen, dass wir schwimmen gehen?*²³

²² Нет (нем.).

²³ А, купаться! Вы хотите, чтобы мы пошли купаться? (нем.)

– *Ja*, – кивнул я. – *Swimmen*.

Еще ни разу Вальдемар мне так не улыбался. Он преобразился совершенно и больше не напоминал ангела.

Он отвел меня в большой муниципальный бассейн под открытым небом. Я несколько раз проходил мимо этого места, но со своим дурным немецким просто не решался зайти туда в одиночку. Больше Вальдемар не был пассивным: он купил нам билеты, взял полотенца и мыло, провел меня в раздевалку, по пути приветствуя многочисленных друзей, потом отправил меня в душ и показал, как облачиться в красные треугольные плавки-трусы, которые взял напрокат. Раздевшись, он словно снял с себя и свою конторскую личность. Поразительно, как он умудрялся прятать под чопорным деловым костюмом свое развитое, по-животному гибкое, загорелое тело. Больше он не вел себя со мной так, словно мне сорок лет и я в одной лиге с мистером Ланкастером. Мы робко улыбнулись друг другу и принялись плескаться, окуная друг друга в воду с головой, плавать наперегонки. Мы резвились, точно дети, но все это время я не забывал, что Вальдемар был уже юношей.

К нам присоединился друг Вальдемара, его ровесник по имени Оскар. У Оскара были нахальные манеры, обезьянье лицо, темные волосы и привычка скалить зубы. Он довольно бегло говорил по-английски; рассказал мне, что работает коридорным в одном крупном отеле. Да он и мыслил как коридорный: всюду вхожий, знал, что почем, а на меня смотрел с готовностью, как на постояльца гостиницы, у которого могут быть какие-то особые пожелания – только заплати, и он все исполнит. Глядя, как Оскар с Вальдемаром посмеиваются в сторонке, я понял, что они обсуждают меня. Ну и ладно, ведь Оскар из шкуры вон лез, чтобы я почувствовал себя своим.

Накупавшись, мы отправились обедать в ресторан. Оба парня курили и пили пиво. Складывалось впечатление, что Вальдемар всюю подражает своему прожженному приятелю, с которым мы к тому времени обращались друг к другу не иначе как «Оскар» и «Кристоф».

Вальдемар сказал что-то Оскару, и оба громко засмеялись.

– Смешная шутка? – спросил я.

– Валли говорит, что ты понравишься его невесте, – пояснил Оскар.

– Это... славно. Она тоже придет сюда?

– Мы сами ее навестим. Скоро. Идет?

– Идет.

– Идет! – от души рассмеялся Вальдемар. Он был уже навеселе. Подался вперед и горячо пожал мне руку. Оскар пояснил:

– Невесте Валли, кстати, нравятся мужчины постарше. Не сильно старые. Вот ты – самый раз! Симпатия!

Я покраснел. Мной постепенно овладевало сладостное предвкушение вперемешку с тревогой.

– Есть пять марок?

– Да. – Я достал деньги.

– Нет, – рассмеялись парни. – Это на потом.

– Послушай, Оскар... – Мне показалось, что имеет место некоторое недопонимание. – Если она невеста Валли... он, кстати, не слишком юн, чтобы обзаводиться невестой?

– У меня уже в двенадцать лет была невеста. У Валли тоже.

– А он не будет ревновать, если я...

Парни рассмеялись еще громче.

– Мы тебя с ней наедине не оставим, – предупредил Оскар и ободряюще похлопал меня по руке. Должно быть, вид у меня сделался совсем недоуменный. – Не надо стесняться, Кристоф. Сперва смотри на нас. Увидишь, как это просто.

Потом он перевел свою шутку для Вальдемара, и оба расхохотались до слез.

В словаре немецкого языка слово «braut» переводится как «невеста» или «суженая», однако Оскар с Вальдемаром употребляли его в отношении всякой девушки, с которой встречались. Этот свой первый урок иностранного языка я усвоил в тот незабываемый, радостный и развратный день – день опущенных жалюзи, граммофонной музыки, скользких обнаженных тел, турецких сигарет, пыли с подушек, дешевого парфюма и здорового пота, внезапных взрывов хохота и скрипа диванных пружин.

На квартиру к мистеру Ланкастеру я вернулся только после шести. Я настолько ослеп от наслаждения, что мне было плевать, рассердится он на меня или нет; а он и не сердился. Он вообще был в том же настроении, в котором встретил меня, когда я только приехал. Ему словно было все равно, тут я или нет.

– Передавай привет матери, – только и сказал на прощание мистер Ланкастер.

Его холодность ранила: все же, сколько ни был я равнодушен к нему, ответное безразличие меня искренне поразило.

Вернувшись в Лондон, я узнал, что мой первый роман и впрямь потерпел фиаско. Отзывы оказались даже хуже, чем я ожидал. Друзья, как верные соратники, встали грудью на его защиту, заявив, мол, рука посредственности задушила шедевр. Однако мне, если честно, было плевать. Ум был занят только новым романом и отчаянной идеей поступить на медицинский факультет, и все это на фоне неотступных грез о Берлине. Этот город взывал ко мне еженощно эротическим хриплым голосом граммофонных мелодий, которые я слышал в однокомнатной квартире Вальдемаровой «невесты». Я не сомневался, что рано или поздно отправлюсь в Берлин. Даже начал самостоятельно учить немецкий язык по трехмесячной программе: ехал куда-нибудь в автобусе и повторял неправильные глаголы. Они звучали для меня как заклинания из «Тысячи и одной ночи», делающие из тебя владыку райских наслаждений.

* * *

Экземпляр «Конспираторов» я, разумеется, мистеру Ланкастеру не отправил, зато написал ему благодарственное письмо – один из тех шаблонных и бездушных текстов, что меня приучили составлять с детства. Он мне так и не ответил.

Когда же я попытался описать мистера Ланкастера друзьям, то обнаружил, что не в силах представить его как человека серьезного или даже комичного. Я не мог подобрать к нему ключа. А когда вслух зачитал его поэму Аллену Челмерсу, то смутились мы оба. Она оказалась не так уж и плоха. Челмерс только лишь из вежливости сделал вид, что она ему не по нраву.

Когда же я в беседе с матушкой спросил, что с любовью в жизни мистера Ланкастера, она лишь бегло улыбнулась и пробормотала:

– О, вряд ли беда в ней.

И тут же призналась, что прежде не сочла нужным рассказать мне, как после войны мистер Ланкастер женился, однако супруга его оставила, и позже они развелись.

– Дело в том, – сухо пояснила матушка, – что кузен Александр, как я поняла, совершенно не выполнял роль мужа.

Это откровение сильно меня огорошило. Однако удивился я не столько новости о бессилости мистера Ланкастера – тут как раз таки все было предсказуемо, – сколько собственной матушке. Никогда не устану поражаться способности даже самых утонченных леди спокойно и даже естественно говорить о чем-то интимном. Матушку моя реакция, похоже, обрадовала, ведь она в кои-то веки сумела сказать нечто «модное»! Правда, как она этого добилась, ей уже было невдомек.

Думаю, я постепенно забыл бы о мистере Ланкастере, если бы ему не удалось вновь завладеть моим вниманием самым театральным из доступных способов. Ближе к концу ноября того же года он застрелился...

Новость сообщил в письме его помощник, «заместитель», который одалживал мне смокинг для банкета. После того ужина я успел мельком повидаться с ним в конторе и поблагодарить. Помню, это был невысокий йоркширец с лицом в багряную прожилку и сильным акцентом, добродушный и способный человек.

В письме событие излагалось сухим деловым тоном. Мистер Ланкастер застрелился вечером у себя на квартире, однако тело обнаружили только на следующий день. Не было ни предсмертной записки, ни каких-либо еще записей «личного характера». (Блокнот с поэмой мистер Ланкастер, должно быть, сжег.) Он не болел, финансовых трудностей не испытывал, а дела компании не давали поводов для тревог. В заключение заместитель мистера Ланкастера формально выразил нам соболезнования «в связи с большой утратой». Он, несомненно, принял нас по ошибке за его кровную родню или же просто решил, что мы – его близкие люди, поскольку больше таковых не сыскалось.

Поступок мистера Ланкастера сильно впечатлил меня. Суицид я в принципе одобрял всецело, считая его актом протеста против общества, и о бунте мистера Ланкастера мне захотелось сочинить целую сагу. Превратить самоубийцу в романтического героя... У меня не вышло. Я не знал, как это сделать.

На следующий год я все-таки отправился в Берлин – моя врачебная карьера закончилась, толком не начавшись, – и там через некоторое время встретил Вальдемара. Ему наскучила жизнь в родном городишке, и он перебрался в столицу в поисках счастья.

Само собой, о суициде мистера Ланкастера Вальдемар почти ничего не знал, зато поведал нечто удивительное. Оказывается, после моего отъезда мистер Ланкастер много рассказывал обо мне коллегам. Как я написал книгу и как она провалилась в Англии, потому что критики – сплошь дураки, но однажды я стяжаю славу одного из величайших авторов своего времени. И всякий раз он называл меня племянником.

– По-моему, ты ему очень нравился, – сентиментально добавил Вальдемар. – У него же не было родного сына, так ведь? Кто знает, Кристоф, вдруг он был бы еще жив, останься ты за ним присматривать!

* * *

Если бы все было так просто!

Сейчас, мне кажется, я понимаю, что приглашение мистера Ланкастера стало последней попыткой восстановить связь с внешним миром. Но для него, конечно, было слишком поздно. Если мой визит на что и пролил свет, так это на причины, которые мешали ему сблизиться с кем бы то ни было. Слишком уж долго он просидел в своем резонаторном ящике, прислушиваясь к колебаниям собственной души, к эпической песне о себе. Я не был ему нужен. Он вообще ни в ком не нуждался, разве что в воображаемом воспитаннике-племяннике на вторых ролях в его личном эпосе. После моего отъезда он такового создал.

Однако позже, наверное, взял и разуверился в этом своем рассказе. Отчаяние – до ужаса простая вещь. Мистер Ланкастер очень любил рассказывать свою легенду, но даже его она не удовлетворяла. Полагаю... Нет, надеюсь, что длилось это недолго. Мало кто из нас способен выносить такую боль сознательно. Почти всегда мы, слава богу, страдаем глупо и бездумно, как животные.

Амброз

Минуло пять лет – на дворе май 1933-го, – и вот он я, отправляюсь в новое путешествие. Еду из Берлина в поезде на юг, к границе Чехословакии, и напротив меня сидит Вальдемар.

Что я тут делаю? Что тут делает он?

Можно было бы сказать, что мы бежим от нацистов. Вальдемар, любитель мелодраматики, поддержал бы меня, и я сам описал бы наше странствие как побег от опасности. . . но как-нибудь потом, в кругу людей мало просвещенных и доверчивых. С моей стороны сказать такое этим утром было бы слишком бессердечно, ведь мы, будучи в полной безопасности, окружены теми, кому беда грозит нешуточная. Граница, которую мы вскоре достаточно легко – спасибо моему британскому паспорту – пересечем, для них превратилась в тюремную стену. Среди пассажиров полным-полно тех, кто правда бежит из страха за жизнь, по поддельным бумагам; они боятся разоблачения, ареста, концлагеря, а то и вовсе расстрела на месте. Лишь в последние несколько недель я в полной мере осознал, что эта ситуация сложилась не где-нибудь на страницах газет или романа, а там, где я сам до недавних пор жил. Ужасная и странная, она уже стала нормой жизни. Террор пока творится на любительском уровне, однако власти вот-вот его организуют, наладят бюрократию. Официальное убийство, как и все официальное в Германии, погрязнет в бумажной волоките.

О, я сумел бы доказать, что спасаюсь, да еще как. Рано или поздно, задержись я в Берлине, меня вытурили бы. Вид на жительство не продлят точно: меня видели в кафе в компании одного британского журналиста, снискавшего дурную славу у нацистов из-за статей о пытках, которые он тайком передал в газету на родину. Мои друзья-евреи кто бежал, кто арестован; кого из них какая судьба постигла, мне уже не узнать. А еще полиция расспрашивала обо мне домовладелицу. Убеждали ее, что проверка рутинная, что это касается всех иностранцев, но никогда нельзя знать наверняка. . .

Как бы то ни было, эта моя поездка и то, что я прихватил с собой Вальдемара, с нацистами напрямую не связана. Они меня мало волнуют. А еще этот вояж показывает, как мало я изменился в некоторых отношениях с тех пор, как навестил мистера Ланкастера.

В Берлине у нас с Вальдемаром завязались близкие, но при этом необязательные отношения, что было типично для меня в те годы. Таких друзей, как Вальдемар, я насчитал бы с полдюжины. Не видишь человека неделями, месяцами, а потом вдруг звонок и просьбы: «Кристоф, не одолжишь десять марок?» Или: «Кристоф, можно переночевать у тебя, а то домовладелица себя как-то странно ведет?» («Странно себя ведет» значило, что она уже замучилась требовать ренту.) Не то чтобы Вальдемар и ему подобные были нахлебниками. Просто они считали, что друзья должны выручать друг друга, а то, что помощь оказываю главным образом я, так это просто у них небольшое денежное затруднение. Как гость Вальдемар был очарователен – один из тех, кто считает своим долгом развлекать хозяина, никак не наоборот. Он ни на что не скупился: разжившись деньгами, приглашал меня в кино или водил на танцы в пивной сад на берегу Шпрее с парой девчонок. Он перебивался мелкими заработками, но при этом, полагаю, был прилежным и добросовестным работником. Просто не задерживался на одном месте дольше месяца. Главным образом работал в барах, пекарнях или мясных лавках или же расставлял кегли в кегельбанах. Видимо, время, проведенное в конторе у мистера Ланкастера, привило ему отвращение к сидячей работе. Он называл ее скучной и *spiessig*²⁴ – то есть мешанской, строгой, постыдной, в отличие от пролетарского труда – честного, физического, сексуального, приключенческого. Абсурдный, такой подход мне все-таки нравился.

²⁴ Обывательская (нем.).

Вальдемар частенько рассказывал о друге по имени Ганс Шмидт. Когда Вальдемар только перебрался в Берлин, то устроился работать в кабаке, где Ганс был главным барменом. До этого Ганс работал инструктором по физподготовке в Рейхсвере; он же научил Вальдемара не только обслуживать клиентов, но и приемам бокса и борьбы. Вальдемар с благоговением говорил о его мускулах и со сдержанным восхищением – о сексуальных пристрастиях. Похоже, в дни службы Ганс давал частные уроки особо симпатичным солдатикам и самых неуклюжих порол стеклом. Не сильно, правда, да и то лишь когда виновники признавали, что заслуживают наказания, и даже молили о нем. Послушать Вальдемара, так у Ганса от мальчиков для порки отбоя не было, и к ней вообще легко пристраститься.

– Представляешь, Кристоф! – восклицал Вальдемар. – Вот ведь свинья, извращенец!

Впрочем, говоря это, он не мог скрыть блеска в глазах, и у меня зародилось подозрение, что сам он тоже хотя бы разок да опробовал на себе стек Ганса. И вообще, Ганс, видимо, был – и оставался – для него героем.

Ганс к тому времени уже покинул Германию. Он спешно уехал из Берлина – видно, из-за какого-то скандала – и время от времени присылал открытки: сперва из Марокко, потом из Италии и Египта. На открытках был только адрес, несколько слов и ничего о том, как Ганс живет. Вальдемар прилежно отвечал на его письма. Мне кажется, больше никому он писем не писал. И в самом деле, кроме Ганса, близких, семьи у него не было.

Однако пару недель назад от Ганса пришло полноценное, длинное письмо – первая весточка за много месяцев. Он писал из Афин, дескать, все это время путешествовал в компании «безумного англичанина», который – если переводить его сленг буквально – просто «сказочно богат». «Я при нем телохранитель, – объяснял Ганс. – Ума не приложу, как он выживал, пока мы не встретились! Ему раз сто могли перерезать глотку. Славный малый и притом совершенно безумный. Видел бы ты, как он пьет! Сейчас ему вздумалось купить остров неподалеку. В голове у него сумасбродные планы: построить дом, настоящий дворец с мраморными полами! Скоро мы отправимся на этот остров и разобьем там лагерь, пока не закончится стройка. Я ему говорю: “Амброз! Что ты знаешь об этом острове? Вдруг там полно змей? Ты разве не боишься?” Представь, что он мне отвечает: “Если тебя укусит змея, то тут все просто: надо выпить бутылку коньяка. Только всю, залпом!” Видишь, какой он диковинный. Нам предстоит жить на этом острове дикарями-индейцами, питаться осьминогами и пить местное вино, которое на вкус как антисептик. В Германии такими драили бы ватерклозеты. Ну, ладно хоть уберемся из города. В городе от Амброза сплошные беды».

Наконец Ганс перешел к сути письма: «А знаешь, Валли? Было бы неплохо, если бы ты к нам приехал. На этом острове безумия мне приходится еще и готовить. Пригодился бы помощник, обычный немецкий паренек вроде тебя. А то нанятые Амброзом помощники ни на что не годятся, даже для... ну, ты меня понимаешь. Они тащат добро, точно сороки, и к тому же нечистоплотны. Я уже поговорил насчет тебя с Амброзом, и он согласился платить тебе жалованье; в придачу получишь кров и еду. С деньгами он порой обращается странно, но слово держит. В общем, если каким-то образом сумеешь выбраться сюда, в Афины, то не пожалеешь. Сидеть дома такому искателю приключений, как ты, настоящей перелетной птице, не пристало. Останешься, и кто знает, может, Гитлер сделает из тебя солдата... Форма, муштра, ать-два, левой-правой! Смирно! Уж я этого в армии хлебнул. Служба не по тебе, так что подумай над этим».

Даже не успев прочитать об этом предложении, но зная Вальдемара, я догадался, что он придумал некий план, в осуществлении которого потребуется моя помощь. Он и сам знал, что я все понял. Пристально следил за выражением на моем лице, пока я читал, а стоило мне закончить, горячо спросил:

– Ну, что скажешь, Кристоф?

– Как по мне, это не та работа, ради которой пускаются в такие дали, – произнес я тоном осмотрительного старшего брата, лишь бы его подразнить. – Тут все надо дважды обдумать. Это же дня три, если не...

– Семьдесят один час и двадцать минут, – быстро ответил Вальдемар. – Придется заночевать в Вене, но если устроиться на вокзальной скамье, то не надо будет платить за ночлег.

– А еда?

– О, можно взять хлеба с сыром. Да и подумаешь, легкий голод, что в нем такого? Люди, бывает, по две недели постятся. Пустяки.

– Зато билет денег стоит.

– Всего лишь семьдесят три марки семьдесят пфеннигов. Третьим классом.

Я не сдержал смеха.

– Да ты, смотрю, уже все продумал.

Вальдемар широко улыбнулся.

– Заскочил в бюро путешествий и обо всем разузнал.

– Понятно.

– Так, на всякий случай. За спрос ведь не ударят в нос.

– Нет, конечно.

Некоторое время мы молча улыбались друг другу. С людьми вроде Вальдемара очень приятно иметь дело: чего бы я не сделал или, наоборот, сделал, – он не затаит обиды. В то же время, давая ему что-то, на благодарность рассчитывать не стоило. Для него эта проблема была сродни булыжнику под ногами. Вальдемар смотрел на камень, размышляя: сдвинуть ли его самому? Или кто-то поможет? Он ждал, и настрой у него был прямо-таки фаталистический.

– Сколько у тебя денег? – спросил я наконец.

– Одиннадцать марок, – ответил Вальдемар, быстренько прикинув в уме. Открытие скорее порадовало его, нежели расстроило. – Сам видишь, – добавил он, – мне нужно всего шестьдесят две.

– И еще семьдесят пфеннигов.

Вальдемар улыбнулся, славно, что он может позволить себе не думать о такой ничтожной сумме, а я жуткий сквалыга просто потому, что упомянул ее. Проникнувшись духом нашей игры, я спросил тоном человека, который ищет совета по некоторому абстрактному моральному вопросу:

– Итак, ты думаешь, что я должен дать тебе эти деньги?

Вальдемар не обманул моих ожиданий, изобразив искренний ужас.

– Почему нет, Кристоф! Я тебя хоть раз о чем-нибудь просил? Просил? Посмотри мне в глаза и скажи: просил или нет? Ты ведь хорошо меня знаешь! Кто я, по-твоему? – Он помолчал, как бы давая мне время устыдиться самого себя, а после, моментально забыв об оскорблении, стал упрашивать: – Само собой, я беру деньги в долг. Ты же читал письмо Ганса: этот англичанин будет платить мне жалованье, и я из этих денег все тебе верну. Да, именно, – пришел он в возбуждение, видя, как камень сдвигается с места, – так и поступим, Кристоф! Пусть англичанин еженедельно перечисляет тебе мое жалованье! Забирай себе все, пока долг не будет выплачен. Или же, раз он такой богатый, пусть перечислит тебе сразу всю сумму...

– То есть ему надо будет пересылать деньги совершенно незнакомому человеку, которого он в жизни не видал, в другую страну?

– Кристоф, к тому времени ты уже не будешь незнакомцем, и ты не останешься в другой стране, ведь ты едешь со мной! Не думаешь же ты, что я поеду без тебя? Одному в такую даль? Это совершенно не весело.

– Мне надо подумать, – сказал я. – Поговорим завтра. И послушай, не начинай пока собирать вещи. Я еще ничего не обещал, пойми. Я очень, очень сильно сомневаюсь, что потяну...

– Кристоф! – Вальдемар восхищенно обнял меня, а потом очень торжественно взял за руки. – Я знал, что ты мой друг. Ни минуты не сомневался. Хоть раз я уходил от тебя с отказом? Никогда! Но ты меня послушай, Кристоф, и запомни: я тебе клянусь, что ты никогда, до конца жизни не пожалеешь о том, что сделал для меня сегодня. Запомни: Вальдемар поклялся тебе в этом...

– Так я же еще ничего не сделал. Я ничего не обещаю. Послушай, прошу тебя, не придумывай там себе ничего...

Вальдемар в ответ лишь улыбнулся. Он не слушал. Он и так меня прекрасно знал. Минуту позже, не предпринимая более никаких попыток убедить меня, он ушел, полностью уверенный, что все устроено.

И ведь он был прав. Вальдемар действительно застал меня врасплох со своим планом, но при этом нисколько меня не смутил. Его задумка полностью соответствовала тому настроению, в котором я тогда пребывал. Лежа ночью в кровати, я говорил себе: это ли не перст судьбы, указывающий мне на следующий шаг? Правда, которую я только сейчас осознал, была в том, что мне не хотелось вернуться в Англию и осесть там. Во всяком случае, тогда. Во мне все зудело, тянуло двигаться дальше, сменить остановку. В этом смысле Берлин напоминал вечеринку, по завершении которой не хочется домой. Лондон стал бы антиклимаксом, и если уж нельзя остаться в Германии, то я бы предпочел совершенно новую атмосферу. Так почему бы не отправиться в Грецию? Говорят, там жизнь дешевая. Я бы провел на острове лето и поработал над новым романом. И почему бы не взять с собой Вальдемара? Недавно я получил подарок от дядюшки и аванс от издателя, так что чувствовал себя довольно свободно. Возврата долгов я от Вальдемара, понятное дело, не ждал – пусть даже он получит работу у этого загадочного англичанина (в чем лично я очень сомневался). Зато он с лихвой окупит свой билет просто как попутчик, ведь я знал, что, покинув Берлин и всех местных знакомых, буду чувствовать себя одиноко.

И вот мы в пути. Надо ли говорить, что перебиваться хлебом и сыром следующие три дня и ехать третьим классом всю дорогу нам не придется? Из Вены, где переночуем с комфортом в отеле, а не на скамье при вокзале, мы поедем в спальном вагоне. Когда я рассказал об этом Вальдемару, он возмутился, мол, я испортил весь дух приключения. Впрочем, сопротивлялся он недолго.

Вальдемар любит пейзажем, который, я думаю, уже кажется ему экзотичным, хотя за окном по-прежнему все та же Германия. Магический флер виду придает пункт назначения. Вальдемар знает только, что едет в страну, *wo die Zitronen bluehen*²⁵, где у девушек темные глаза. Все в его немецкой душе отвечает традиционной нордической тяге к странствиям: путь на юг – иных приключений северный германец просто не знает. А все, что мы оставили в городе позади себя – Гитлер у власти, поджог Рейхстага, начало террора, – Вальдемар принимает как фон. Этим утром он так и сказал:

– Как же я рад, Кристоф, что мы уезжаем. Тут делать нечего.

Вальдемар – убежденный антинацист, но главным образом потому, что такие настроения испытывают люди, чье мнение он уважает. Случись ему попасть под влияние такого харизматичного старшего брата, нацистского лидера молодежи, и я бы не решился отвечать за последствия. Сам он, как иной берлинец, уже привык к людям в коричневой форме, полицейским облавам, уличным стычкам и побоям; для него они проходят под заголовком «политика», то есть все правильно. Вальдемар – добродушный шалопай, беспечный малый, вряд ли способный на особую жестокость, но видно, что жестокость в других людях его не сильно шокирует. Раз за разом я замечаю, как парни вроде Вальдемара инстинктивно принимают садизм, и это

²⁵ «Там, где цветет лимон» (нем.), по названию вальса Иоганна Штрауса.

страшно; им не надо читать Крафт-Эбинга²⁶ или же знать, что это слово значит. Не сомневаюсь, Вальдемар инстинктивно улавливает связь между «злыми» госпожами в кожаных сапогах, что занимались своим ремеслом у «Торгового дома Запада»²⁷, и юными головорезами в нацистской униформе, сегодняшними гонителями евреев. Стоило госпоже в сапогах заметить потенциального клиента, как она хватала его, затаскивала в такси и увозила на порку. Разве парни из СА²⁸ не проделывают то же, только со своими клиентами? Просто поркой они увлекаются смертельной. Не было ли первое психологически генеральной репетицией последнего?

В отличие от Вальдемара, я думаю не о южном городе в конце пути, а о северном, который мы оставили. До недавних пор я и не задумывался, что мне придется покинуть Берлин, не верил, что нацисты правда придут к власти. Время от времени я, конечно, любил разлиться соловьем о вероятности рейхсверского путча и коммунистической революции, однако сам не считал ее серьезной. Я, наверное, даже готов был остаться в Берлине, лишь изредка навещаясь в Англию, где уже ощущаю себя немножечко иностранцем.

За проведенное в Берлине время я привык считать, что глубоко погрузился в политическую жизнь немцев. Письма в Англию писал сдержанным, раздражительным тоном военного корреспондента посреди сражения, мол, не отвлекайте меня. Приезжая же в Лондон, позволял относиться к себе как к знатоку ситуации в Германии, а на расспросы отвечал, начиная всегда одинаково: «Определенно, людям в этой стране надо кое-что уяснить...»

Но вот нацисты пришли к власти, и я вынужден признать, что политикой серьезно не интересовался и партизаном не был. В Берлин я прибыл безответственным искателем огонька. Проказником, что получил удовольствие в тот день на квартире *Braut* Вальдемара и захотел добавки. Однако позже, исследовав ночную жизнь Берлина вдоль и поперек, я начал уставать от нее и заделался пуританином. Жестоко критиковал порочных иностранцев, кто ехал сюда в поисках удовольствий, – они, мол, эксплуатируют голодающий рабочий класс Германии, обращая их в проституток. Негодовал я искренне и даже оправданно: когда видишь закулисы ночной жизни Берлина, она кажется тебе жалкой. Но изменился ли я внутри? Не остался ли столь же безответственным, раз бегу от такой ситуации? Не предатель ли я?

Не знаю. Не знаю. Не хочу думать обо всем этом сейчас. Чувство вины меня утомило, да и с какой стати я виноват?! Кто это решает? Нечего вешать на меня ответственность за Германию. У кого есть такое право? Нет, не стану я обсуждать эту тему. Слишком запутался. Чувствую себя комодом, в котором перемешались предметы одежды – надо их вытряхнуть и перебрать. Хватит уже говорить о том, как мне мыслить и что чувствовать. Надо отыскать некую первооснову истинного чувства и отталкиваться от него, и неважно, насколько оно мало.

Что мне по правде дорого? Прямо сейчас, если речь о любви, то, наверное, Вальдемар. Не сам Вальдемар, а то, что он собой представляет. Я настолько плотно отождествляю себя с ним, что даже это странствие вижу его глазами. Что я люблю в Вальдемаре, так это незамутненность и невинность его опыта; то, как он с чистым сердцем пускается в путь на поиски приключений. А еще я люблю его эгоизм и отсутствие чувства вины. Он не обременен совестью, заставляющей придерживаться позиций и мнений. Он очень свободен, уязвим и одинок. Я люблю его, но по-особенному, так, как любят животное. Я от него ничего не жду, лишь бы оставался молодым, бесстрашным и глупым. По сути, я хочу невозможного.

Мы едем вдоль долины Эльбы. Высоко, на неприступном с виду склоне скалы с видом на реку, красной краской намалеваны огромные серп и молот.

²⁶ Рихард фон Крафт-Эбинг (1840–1902), немецкий и австрийский психиатр и криминалист, автор «Учебника судебной психопатологии».

²⁷ «Ка-Де-Ве» (нем. *KaDeWe, Kaufhaus des Westens*) – универмаг, один из крупнейших в мире, был открыт в 1907 году на улице Тауэнцинштрассе в берлинском районе Шенеберг.

²⁸ Штурмовые отряды (нем. *Sturmabteilung*), т. н. «коричневорубашечники».

– Ого, – произнес Вальдемар, глянув на меня с задорной улыбкой, – да нацисты про все забудут, пока это счистят!

Это мое последнее воспоминание о Германии.

Ганс Шмидт встретил нас с поезда на железнодорожном вокзале в Афинах. Англичанин тоже пришел. Этих двоих я бы узнал и без подсказки Вальдемара, настолько они выделялись из толпы местных. Даже их жесты имели иной ритм.

Ганс обнял Вальдемара и по-свойски шлепнул его по заду.

– *Servus*²⁹, – сказал он, поглядывая на меня так, что я уже начал задумываться, что такого понарасказывал ему Вальдемар обо мне в письме.

– Как поживаете? – произнес англичанин.

Терпеть не могу выражение «вялое рукопожатие». Уж больно оно отдает моральным суждением предводителя скаутов. Скажу так: Амброз бегло, будто искусственную, вложил свою руку в мою и тут же отдернул.

– Рад, что вы сумели выбраться, – сказал он тоном хозяйки, что приветствует гостей на садовой вечеринке. И я сразу ощутил себя непринужденно.

Амброз выглядел одновременно моложе и старше меня. Стройный, он держался прямо, в его резких движениях чувствовалась молодость, однако морщины на загорелой коже напоминали шрамы, оставленные когтями жизни. Лицо живописно обрамляли вьющиеся темные локоны с проседью, а в темно-карих глазах читалось выражение легкого удивления. В любой момент от Амброза стоило ожидать приступа нервозности; его чувственные ноздри и утонченные скулы наводили на мысль о скакуне, способном неожиданно сорваться в галоп. И все же где-то в самой глубине души угадывались задумчивость и покой. Это делало его трогательно-прекрасным. Прямо модель для портрета святого.

Он носил очень старый, но явно дорогой твидовый пиджак, стертые чуть ли не до дыр слаксы и пыльные, стоптанные замшевые туфли. Амброзу самому, как и его одежде, не помешала бы чистка, однако его внешний вид не вызывал отвращения. К тому же от него не исходило неприятного запаха. А ведь нюх у меня был – да и по сей день остается – очень острый.

Вместе с Гансом они отвезли нас на такси в отель, где остановились сами, и устроили в номер. Затем мы расположились снаружи в кафе напротив отеля и с видом на площадь. Амброз настоятельно советовал попробовать белое смоляное вино.

– Лучше вам к нему привыкнуть, – сказал он мне. – Кроме него, на острове обычно пить нечего.

Простота и готовность, с которой он решил, что я еду к нему на остров – пусть и ненадолго, – немного смущала. У меня уже было смутное ощущение, что ехать придется, но я-то ждал прелюдии, вежливой игры; я бы стал упираться, мол, что вы, что вы, не хочу доставлять неудобств, а он бы заверил меня: нет-нет, какие уж тут хлопоты! И почему-то Амброз проявил мало любопытства к моей персоне: он не расспросил, как прошла поездка, как там дела в Берлине. Похоже, ему вполне уютно было внутри собственного мирка; ну а коли ты удосужился заглянуть к нему – что ж, ладно, дело твое.

Как я уже сказал, в Амброзе ощущались покой и тревога одновременно. Сидел он расслабленно, зато пальцы и речь выдавали отчаянную нервозность: руки постоянно дрожали, а перстень-печатка едва не соскальзывал с пальца. Прямо посреди беседы Амброз достал янтарные четки с черной кисточкой и принялся их перебирать. Мне и в голову не приходило, что он может быть пьян; позднее я узнал, что пьяного Амброза от трезвого отличить очень трудно.

– Надеюсь, вы не против поспать в палатке? – поинтересовался он все тем же тоном хозяйки загородной вечеринки. – Я ожидал, что к этому времени дом достроят, но рабочие

²⁹ Приветствую (нем.).

едва начали. Впрочем, теперь-то я постоянно буду на месте. У них надо над душой стоять и покрикивать, иначе все безнадежно... Посмотрим, посмотрим... Лучше бы купить палатку сегодня. И еще одеяла. Все это можно найти на «воровском» рынке... Вы прежде не бывали в Афинах? Тогда вам непременно стоит взглянуть на Акрополь. Это дело такое, с ним надо разобраться поскорее и забыть...

– Вам не нравится Акрополь?

– Боюсь, я староват для него. – Амброз кокетливо поерзал. Так он показывал, что извиняется за немодное мнение. – Ничто после Минойской эры и Восемнадцатой династии³⁰ не кажется мне интересным. – И почти без паузы он задумчиво продолжил: – Не знаю точно, во что обойдется ваше пропитание – надо бы посчитать, – но вы удивитесь, как тут дешево стоит еда. А ведь надо еще и расходы на бензин прикинуть. На машине, правда, много ездить не придется. Напитки бесплатны, разве что когда отправимся закупаться в Халкис.

– Очень не хотелось бы обременять вас лишними тратами, – довольно чопорно сказал я, поразившись тому, как резко хозяйка Амброза сменилась домовладелицей. Позднее я к этим метаморфозам привыкну.

Вальдемар тем временем о чем-то говорил по-немецки с Гансом Шмидтом. Пару минут спустя, когда мы встали и отправились за покупками и на осмотр достопримечательностей, Вальдемар отвел меня в сторону и пораженно шепнул:

– Я бы ни за что его не узнал!

– Ганса?

– Боже! Выглядит он просто ужасно! И что с его рукой?

– С рукой?

– Да, с левой. Хочешь сказать, ты ничего не заметил?

– Нет.

– Ты что, ослеп, Кристоф? Она же совсем *kaputt*!³¹ А в чем дело, Ганс признаваться не хочет. Говорит, что расскажет позднее, наедине, когда будем на острове. Знаешь, Кристоф, я готов спорить, что тут творится что-то неладное. Возможно, Амброза преследуют враги, пытаются его порешить? Ганс же писал, что он при этом типе телохранитель. Может, враги Амброза его и ранили?

– Вряд ли.

Однако романтик Вальдемар всерьез настроился поверить в худшее. В восторге предвкушения он широко улыбнулся.

– На этом острове нам грозит большая опасность, Кристоф. Мы окажемся в глуши. Вот это я понимаю, приключение! Может, мы еще пожалеем, что покинули Берлин.

На прогулку Ганс не пошел, он присоединился к нам только за ужином, и вот тогда-то я смог присмотреться к его руке внимательнее. Как я не заметил увечья при знакомстве?! Предплечье выглядело одеревенелым, а кисть раздулась и приобрела розоватый оттенок. На тыльной стороне ладони осталось несколько глубоких шрамов. Похоже, Ганс привык по мере сил не замечать своих ран, но сейчас ему пришлось позволить Вальдемару нарезать для него мясо.

Свою инвалидность он воспринимал как будто даже весело и вообще внешностью напоминал образцового пруссака: высокий, бледный, мускулистый, со светлыми, почти что белыми, коротко стриженными волосами. За обвислым брюхом и вызванной пьянством одутловатостью еще угадывался гладкокожий широкоплечий боец. Курносый, он напоминал поросенка, при

³⁰ Минойская, крито-микенская цивилизация просуществовала с 2700 по 1400 г. до н. э., тогда как XVIII династия египетских фараонов (Тутмосидов) – с 1550 по 1292 г. до н. э.

³¹ Сломана, испорчена, пропала (*нем.*).

этом лицо его было благодушным. Воспаленные глаза имели бледный, водянистый оттенок голубого. Мне нравилась его сонная улыбочка и медлительная походка, с которой он переносил с места на место свое мощное, грузное тело. Как-то раз, заметив на себе мой изучающий взгляд, Ганс вдруг потянулся и, подмигнув мне, сказал:

– *Ja, ja. So ist die Sache.* – Это было уклончивое и в то же время уместное замечание, примерный перевод которого – «такие вот дела».

– Я решил приобрести пару павлинов, – тем временем говорил мне Амброз, – когда дом достроят. Еще подумываю заодно завести и верблюда. Верблюд создаст атмосферу, как вы думаете?

То ли дело было в том, как небрежно он помахивал сигареткой, то ли в том, как насмешливо прикрыл глаза и отвернулся, словно избегая прямого света солнца (когда он все же взглянул на меня, я осознал, что прежде он этого не делал; по крайней мере, в глаза он мне точно не смотрел), но вот мое подсознание уловило некую деталь, и я вспомнил этого человека.

– Пойдите, Амброз! – воскликнул я. – Мы ведь знакомы!

Амброз продолжал улыбаться, глядя куда-то в сторону.

– Точнее, – продолжил я, – мы уже встречались. Много лет назад. Ну да, конечно! Мы с вами учились в Кембридже. Пересеклись на лекции. Полагаю, в Кингс-холле.

Теперь-то Амброз поднял на меня взгляд.

– Не Кингс, а Тринити. Темой лекции был Мачу-Пикчу³². Вы сказали, что пришли за вдохновением для новой истории.

– Боюсь, я ее так и не написал.

– Я одолжил вам книгу о традициях инков. Пустышка, одни фантазии. Зато иллюстрации были что надо.

– Надеюсь, я вам ее вернул?

– Вообще-то нет, не вернули.

– Как это дурно с моей стороны! Разрешите купить вам другой экземпляр?

– Разумеется, нет. Книга мне совершенно безразлична. И вообще, я давно отошел от темы инков. Она безумно скучная.

– Скажите, Амброз, когда вы меня узнали?

– Сразу, как увидел, еще на перроне.

– Так отчего же не признались?

– Даже и не знаю... Подумал, что вам не понравится, если напомнят...

– Вздор! С какой стати? Дело в том, что это я вас не узнал. Ужасно неловко с моей стороны...

– О, я бы так не сказал... – Сигарета Амброза потухла, и он пошерудил пальцами в спичечном коробке – руки у него тряслись, – а потом снова поднял на меня взгляд и трогательно улыбнулся. – В конце концов, мой хороший, я-то мертв, а вы живы.

У меня всю жизнь был иммунитет к словесным причудам окружающих. Вот и эту я бы, наверное, оставил без внимания, если бы в тот момент к нашему столику не приблизился незнакомец – юноша лет двадцати трех, которого Амброз представил как Алеко. У Алеко были очень яркие, темные, немного выпученные глаза, черные как смоль кудри и золотые коронки на зубах. Он носил рубашку в пеструю полоску и комбинезон механика, на ногах – элегантно остроносые туфли. За левым ухом у него торчал цветок, а ноготь левого мизинца отрос на добрых полдюйма³³.

– Сейчас так модно в Афинах, – пояснил Амброз с благодушным одобрением.

³² Перуанский «потерянный город инков».

³³ Приблизительно 12 мм.

Алеко стал нашим с Вальдемаром первым знакомым греком и потому восхитил нас. И он, должно быть, заметил это – держался застенчиво и одновременно развязно, хотя всячески делал вид, будто не замечает нас, – поздоровался снисходительно и как бы мимоходом, а потом, присев, заговорил на греческом с Амброзом и Гансом. Он обращался к ним по очереди – нахально и в то же время с лестью, проказливо закатывая глаза, подергивая Амброза за рукав или грозя пальцем Гансу. Последний, похоже, понимал большую часть – если не все – из того, что говорит Алеко, однако отвечал немногословно – на греческом или же немецком, а с собеседником держался угрюмо и грубовато. Амброз это видел, и между всеми тремя ощущалось определенное напряжение. Амброз по-гречески говорил бегло, но с нервной торопливостью, поджимая губы и запинаясь на сложных словах. Он из вежливости ввел в беседу нас с Вальдемаром, время от времени быстренько поясняя что-нибудь на английском и немецком. Переходы между тремя языками сильно трепали ему нервы, и, желая успокоиться, Амброз снова достал четки. Тут уже Алеко достал точно такие же и тоже принялся ими трещать. Это преданное подражание слегка пугало. На ум пришло сравнение с невероятно умной обезьяной или фамильяром колдуна. Алеко беззастенчиво смотрел в лицо Амброзу с любовью и коварством, как будто звериными и таящими угрозу.

Спустя некоторое время трое принялись о чем-то спорить. Я так и не понял, что такого предлагал Алеко, но Ганс был настроен решительно против.

– Нам утром вставать, – обратился он к Амброзу по-немецки. – Вы же сами сказали, нужно рано выдвигаться.

– Не суетись, мой хороший, – ответил ему по-английски Амброз. Затем обратился ко мне: – Алеко предлагает показать вам город. Тут есть два или три кабака, в которых может быть весело.

Я вежливо отказался, дескать, устал с дороги, зато Вальдемар, всегда готовый веселиться, выступил «за», и так Ганс остался в меньшинстве.

– Тебе вовсе не обязательно идти с нами, душа моя, – сказал ему Амброз с немного проказливой улыбкой.

– Вы же сами знаете, что мне придется пойти. Иначе что с вами будет? Думаете, охота мне завтра поутру шариться по канавам, искать вас? – проворчал Ганс.

Когда мы уходили, он сказал мне, понизив голос и мотнув головой в сторону Алеко:

– Вот видишь, кто тут начальник?

Вальдемар вернулся под утро, разбудил меня и тем самым выдернул из кошмаров о нацистах и Берлине. Он, как всегда, бесцеремонно плюхнулся на край кровати и шлепнул меня, спящего, по плечу.

– Боже, Кристоф, вот это город! Какие тут старые кошелки-развратницы! Одна прямо взяла и запустила мне руку в гульфик, честное слово! Потом сказала что-то Амброзу, а он перевел, мол, она считает меня милым мальчиком! Я уже собрался было уйти с ней, но Ганс не отпустил. Сказал, что у нее сифилис. Ей лет за сорок было, но она интересная, я таких в Берлине не встречал. И знаешь что? У нее были усы! Кристоф, ты ни за что не поверишь: это так сексуально! Я прямо сгорал от желания! Боже, пусть только эти старые кошелки дождутся! Вот выучу греческий...

На следующее утро мы отправились на побережье в машине Амброза.

Остров находился примерно в сотне километров к северу от Афин, в канале между крупным островом Эвбеей и материковой областью Беотией. Добраться до него можно было только по очень неровной дороге, которая местами превращалась в козью тропу.

Алеко сидел впереди, рядом с Амброзом, а мы с Вальдемаром и Гансом втиснулись на заднее сиденье, окруженные настоящим завалом из багажа и разнообразного инвентаря. Машина летела со скоростью семьдесят километров в час, гремя, точно скобяная лавка в зем-

летрясение. В ней все держалось на честном слове, но при этом работало исправно и не сломалось бы, наверное, в ближайшие полгода. От тряски становилось дурно; лишённые рессор, задние колеса проваливались в каждую выбоину с сокрушительным ударом, от которого пробиравало от копчика до самых зубов. И после очередного такого прыжка следовал настоящий оползень багажа, когда в тебя нещадно впивался черенок лопаты, ободок ведра или уголок чемодана.

Встречных машин попадалось мало, что не могло не радовать, ибо всякий встречный так и норовил обдать нас пылью. Едва показавшись вдалеке, сверкая на солнце, на фоне призрачно бледных скал, машины напоминали горящий кончик фитиля, окутанный огромным облаком пыли, что медленно пожирало дорогу. Один раз нам попало стадо коз; Амброз гнал слишком быстро и, не успевая затормозить, вильнул в сторону. Нас занесло, и несколько мгновений машина месила колесами сланец на самом краю обрыва высотой по меньшей мере в сотню футов, на дне которого нас ждало пересохшее речное русло. Однако испугаться по-настоящему мне не давало опьянение. Мы все были в нетрезвом виде, поскольку Амброз постановил: перед дорогой надлежит «основательно позавтракать», ведь неясно, когда доведется поужинать.

Время от времени Ганс с Вальдемаром принимались петь: те самые немецкие песни, даже самые непристойные из которых отдают прилипчивой сладкой грустинкой. Вальдемар обожал «Аннемари» и пел ее по много раз на дню. Она, так сказать, была его гимном благодаря одному куплету:

*Mein Sohn heisst Waldemar
Weil es im Wald geschah...*³⁴

Амброз вяло улыбался, как бы извиняясь за свою езду и состояние дороги, хотя и то и другое его словно и не касалось. Он вообще будто пребывал не с нами и даже не сознавал того, как дико дергается руль в его руках. Складывалось ощущение, что Амброз – лунатик, с которым ничего не случится, если его не разбудить во время снохождения.

Наконец мы перевалили через горы и зигзагами спустились к узкой полосе равнины у моря. Дорога здесь была намного лучше. Лишь сильный ветер бросал в нас летевшую из-под колес пыль; очень скоро мы все покрылись песчаной коркой. Стоило мне расслабиться и выпустить борт машины, как Амброз, словно нарочно, дал по газам и свернул с дороги. На миг я решил, что мы перевернемся; нас завалило багажом, и Ганс выругался.

– Простите, – извинился Амброз, – никак не запомню, где здесь поворот. Чуть снова не пропустил...

Мы перелетели через канаву и теперь неслись по кочкам красной пустоши, которую солнце высушило до трещин. Где-то впереди мотался туда-сюда, словно сутулый призрак, столб пыли. В воздух, расправив огромные крылья, поднялись птицы с некрасивыми голыми шеями. Так первый раз я встретил вольных стервятников.

– Почти приехали, – сообщил Амброз, оборачиваясь и ободряюще улыбаясь мне.

И правда, минут через пятнадцать показались первые признаки жизни. Хижины на сваях с плоскими крышами, застланными настилом из сосновых веток, высились над дымкой от водяных паров; пастухи прятались в хижинах от палящего солнца. Грубо изрезанная дорога вела с холма в оливковую рощу. Мы проехали мимо колодца. Видимо, местные сразу признали Амброза: толпа мужчин и мальчиков бросилась бежать за машиной, размахивая руками и при этом крича.

– А вон и Джеффри, – без удивления заметил Амброз.

³⁴ Моего сына зовут Вальдемар / Потому что это случилось в лесу (нем.). (От нем. *Wald* – лес).

В одной из хижин, за столом, со стаканом и бутылкой вина сидел крупный молодой человек, одетый невероятно по-британски: блейзер, слаксы и шелковый клубный галстук, свободно повязанный под расстегнутой у горла рубашкой. При виде нас он встал и, когда мы остановились, подошел к машине. Местные тем временем о чем-то возбужденно спрашивали на греческом Амброза и Алеко.

– Какой бурный энтузиазм просыпается у местных, – сказал Джеффри, – стоит вернуться любимому молодому сквайру.

Он произнес это в манере, которую я считаю особенно британской. Если смолоду воспитывать в себе привычку шутить с лицом, которое иначе как каменным не назовешь, то к зрелому возрасту добьешься эффекта, когда все твои шутки будут уже не смешны, а безжизненны и агрессивно-эксцентричны.

Джеффри определенно был одного со мной возраста, но выглядел моложаво, и от него так и веяло распушенностью. Голубые глаза то и дело разгорались жарким огнем искреннего негодования. Впрочем, вспыхивали лишь на миг, а затем он вновь становился симпатичен. Под загубелой и прыщавой кожей проглядывала привлекательная внешность мощного атлета-англосакса, а белокурые волосы на голове уже начинали редеть.

– И давно ты здесь, хороший мой? – спросил Амброз.

– Иисусе, почему мне знать? Я потерял счет времени с тех пор, как ты оставил меня со своими треклятыми миньонами.

– Душа моя, ты ведь прекрасно помнишь, как отказался ехать с нами в Афины. Сам захотел остаться на острове...

– Твои треклятые миньоны, – повторил Джеффри, совершенно не обратив внимания на его слова, – трещали и трещали без умолку, и я больше не смог выносить их лепета ни одно мгновение, поэтому велел им перевезти меня сюда. К тому же я выпил все вино.

– Не знаешь, они отогнали лодку в Халкис? Или вернулись на остров?

– Откуда же мне знать, черт побери? Я за ними не следил. Я знал только, что если немедленно не напьюсь, то перестреляю их, как собак.

– Ну что ж, – философски произнес Амброз. – Где-то они да есть. – А потом добавил, обращаясь к Джеффри: – Полежай в машину, хороший мой.

Джеффри уселся впереди вместе с Амброзом и Алеко.

– Это Вальдемар, – представил я своего попутчика, видя, что никто нас знакомить не собирается.

– Привет, – ответил Джеффри, нагло и коротко взглянув на Вальдемара, как бы говоря: если ты не разумеешь по-нашему, то тебя для меня все равно что нет. Вальдемар весело улыбнулся и ответил одной из немногих фраз на английском, которыми владел:

– Как поживаете?

Джеффри не улыбнулся. Похоже, Вальдемару не удалось очаровать его, и тогда же я понял, что Джеффри мне не нравится.

Мы медленно покатали по неровной дороге через оливковую рощу, которая закончилась внезапно у самого берега. Амброзу пришлось со всей силой потянуть за рычаг ручного тормоза, а иначе катиться бы нам по крутому склону к воде. Машина с визгом дернулась и встала намертво. На мгновение воцарилась неестественная тишина; ее нарушили негромкие звуки, с которыми мелкие волны торопливо лизали камни. Амброз дрожащими руками порылся в карманах в поисках спичек и сигарет.

– Ну вот, – сказал он нам, – мы на месте, хорошие мои.

Он, шатаясь, вылез из машины и открыл дверцу с моей стороны. Под ноги ему вывалился чемодан и рулон провололочной сетки; вниз по склону к воде покатилося ведро. Амброз даже не стал пытаться его поймать. Вместо этого он, как подкошенный, рухнул на подножку автомо-

бия. Тут уже и остальные выбрались из салона; мы с Вальдемаром и Гансом кое-как вылезли из-под завалов багажа.

– Ну и вот, – сказал мне Джеффри, указывая вдаль. – Вон там наш очаровательный небольшой Остров дьявола.

– Он называется островом Святого Григория, – поправил Амброз.

Остров находился где-то в полумиле от места нашей остановки; располагался он ближе к скалам, где из моря восставали громады утесов. Позади него протянулся широкий голубой рейд³⁵, а вдоль горизонта в сторону северо-востока – пики Эвбеи. Это был компактный кусочек суши в форме кита – наполовину голый, наполовину лесистый и горбатый.

– Интересно, они видели нас? – вслух подумал Амброз, глядя на остров. При этом он потянулся в салон и сдвинул резиновый пузырь клаксона. Раздался хриплый гудок, напоминающий вскрик очень старой птицы.

Джеффри презрительно рассмеялся.

– Добрый мой дурачок, ты ведь не надеешься, что они это услышат? – Он что-то достал из кармана и отошел на пару шагов. Тут я разглядел у него в руке небольшой автоматический пистолет. Джеффри поднял его над головой. – Вот это их точно разбудит! – Целясь в небо, он вопросительно посмотрел на Амброза налитыми кровью глазами. – Поберегись! Один! Два...

Алеко даже приплясывал в радостном предвкушении, а Ганс пробормотал:

– *Total verrueckt!*³⁶

Амброз же мягким тоном поинтересовался:

– А ты с предохранителя его снял, душа моя?

– Проклятье! – Джеффри остервенело подергал за пистолет. – Ну вот, теперь – всем отойти! Раз... два... три!

В окружающей нас тишине выстрел прозвучал пугающе громко и резко; он вернулся эхом, отразившись от скал, о которые бились волны; они ударялись и, отступая, рассыпались, точно рука, что раскрывает пятерню и снова сжимает ее, уползая. Где-то за оливковой рощей разразилась отчаянным лаем овчарка, и ей где-то высоко в горах тихо-тихо ответили другие собаки.

Никакой реакции на выстрел не последовало.

– Похоже, спят, – сказал Амброз.

– Спят? В жизни ничего глупее не слышал! Они же твои слуги, я прав? Мой добрый друг, если станешь терпеть такое отношение, то скоро сам будешь приносить им чай в постель по утрам... Во имя бога, что ты предлагаешь делать?

– Будем ждать их.

– Ждать? А если они в ближайшие пару дней не появятся?

– Душа моя, иного выхода я просто не вижу.

Джеффри с отвращением хмыкнул и обратился ко мне:

– Не знаю, что привело тебя в эту грязную страну, если только ты не скрываешься от легавых, советую немедленно отсюда убираться. Пока не сошел с ума, как все мы тут... Амброз, предлагаю не ждать твоих мелких свиней миньонов тут, на этом отвратительном пляже. И потом, мне надо выпить, иначе минут через пять я стану просто неуправляем. Я тебя предупредил.

– В предупреждениях нет никакой необходимости, мой дорогой Джеффри. Мы пойдем назад и купим любые напитки, какие тебе нужны.

– Не на машине?

– Рано или поздно они увидят мое авто и поймут, что я приехал... Кристофер, вы с нами?

³⁵ Место якорной стоянки судов.

³⁶ Из ума выжил (нем.).

– Думаю, подожду здесь, – ответил я. После нелегкого пути меня вдруг охватило желание поспать. Амброз спросил у Ганса и Вальдемара, не составят ли они ему компанию. Вальдемар ответил отказом, решив остаться со мной, а Ганс ушел с остальными.

Мы с Вальдемаром стояли и смотрели в сторону острова.

– Боже! – воскликнул Вальдемар, сжав мою руку. – Мы в Греции! Только представь! В Греции! – Потом он, видимо, вспомнил название какого-то фильма и мечтательно произнес: – Загадочный остров. – Подобрал камушек и запустил «лягушку». – Как думаешь, Кристоф, тут водятся акулы?

– Нет.

– Тогда почему бы нам не переплыть туда?

– Остров дальше, чем кажется.

– Я все равно искупаться хотел. Пойдем.

– Позже, – ответил я, испытывая некий суеверный, трудно объяснимый трепет, который мешал войти в эти незнакомые воды. Вальдемар же подобными сомнениями не страдал и в момент разделся. После городской зимы его тело было очень бледным и выглядело поразительно обнаженным. Он с плеском вбежал в воду.

– Теплая! – удивленно прокричал Вальдемар и, мощно гребя руками, поплыл вдаль, скрываясь в ослепительных бликах.

Я задремал на неудобном каменистом пляже, подложив под голову пиджак вместо подушки, а проснулся от приближающегося топота копыт. Мимо, мягко ступая, брела вереница осликов, ведомых женщинами и девушками, чьи лица скрывали платки. Это создавало волнующий эффект востока. И как раз когда эта процессия проходила мимо, вернулся Вальдемар. Без малейшего колебания, прикрывая гениталии рукой, он вышел из воды и подхватил рубашку.

– Боже! – хихикнул он. – Видал, как эти девочки на меня вытаращились? Спорим, они еще ни разу не видели блондина из Германии!

Тем временем день как-то незаметно утратил свой блеск. Солнце спряталось за горной грядой, и пляж утонул в тени горы. Если смотреть с дороги, то волны все еще сверкали, а пики Эвбеи окутывало марево, но здесь, на пляже, сделалось почти прохладно.

– Пойдем, – позвал я Вальдемара, который к тому времени уже оделся. – Поищем остальных.

Амброз, Джеффри, Ганс и Алеко сидели в одной из крытых сосновыми ветками беседок и выпивали. Помимо смоляного вина они разжились печенкой, сыром, апельсиновыми дольками, солеными бобами и турецкими сладостями. Мы жадно набросились на сладости, а Вальдемар, под руководством Амброза, вызубрил произношение слова «loukoumi».

– Когда вы купили этот остров? – спросил я у Амброза, и тут же мой собственный тон светской болтовни показался мне неуместным в этой беседке, взятой как будто со страниц Ветхого Завета.

– Вообще-то, я его не покупал. Я только хочу его купить. Видите ли, есть загвоздка: островом частично владеет каждый житель деревушки неподалеку, за тем холмом. Там три сотни девятнадцать человек, и всем надо единодушно согласиться на продажу. А сама мысль о том, чтобы прийти к единогласному решению, приводит этих бедолаг в дичайшее замешательство. Вся их жизненная философия в том и состоит, чтобы не соглашаться друг с другом. Мы уже несколько месяцев пытаемся договориться. А что хуже всего, они вбили себе в голову, будто я миллионер, и выдвигают самые нелепые предложения. Говорят: забирайте остров, но сперва проведите электрический свет в каждый дом. Или постройте мост для связи с материком... а это между тем стало бы одним из инженерных чудес света. Теперь они разделились на два лагеря: одни за продажу, другие против. Те, что против, обвиняют меня в шпионаже, дескать, я из острова сделаю базу для британского флота. Вряд ли они сами в это верят, но сейчас уже

неважно, что они по правде думают, потому как все это превратилось в некую игру. Остается лишь набраться терпения. И у меня, честно говоря, кажется, получается мало-помалу их выматывать... А, вот и священник. Он один из моих самых влиятельных союзников.

Амброз указал на грузного смуглого мужчину, который как раз усаживался за столик в соседней беседке. Бородатый и длинноволосый, он был облачен в рясу из черной саржи и штилеты на резинке. Местные тут же поспешили поднести ему вина и пищи, которые он благосклонно принял.

– Надо бы пойти и потолковать с ним, – сказал Амброз, – не то решит, что я замышляю что-нибудь против него. Он до смешного обидчив.

Амброз встал и направился к священнику, который приветствовал его величественным тоном.

– Чертовы нехристи, попы! – пробормотал себе под нос Джеффри.

Он не спешил общаться, но теперь заинтересовал меня, да и момент вроде как представился подходящий для того, чтобы завязать беседу. К тому же Ганс с Вальдемаром хихикали между собой, отпуская шуточки на немецком.

– Смотрю, вам это место не больно-то по душе, – сказал я.

– По душе? Да что здесь вообще может быть по душе? – возмутился Джеффри. – Может, ты скажешь? Назови, черт возьми, хоть что-нибудь!

– Что же вы тогда здесь торчите?

– А это-то при чем? Где мне еще торчать? Куда мне, по-твоему, отправиться?

– Ну, я бы сказал, что мест в мире полно.

– Сказал бы он! – Джеффри подался ко мне с агрессией, которая вовсе не показалась мне неприятной, потому как отдавала трогательным отчаянием. – Мест, значит, полно, да? И среди них, например, Англия, Франция, Германия, Россия, Соединенные Штаты Америки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.